

Булатов Алексей Юрьевич

Гаремы

Все зло от баб?

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Булатов

Гаремы. Все зло от баб?

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Булатов А. Ю.

Гаремы. Все зло от баб? / А. Ю. Булатов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-532-10659-8

Существует такой мир, где мужчины решили, что все зло от женщин. Спрятав их в общегородские гаремы. Попасть к женщинам можно только четыре раза в год, либо купив специальный ярлык, либо выиграв его на турнире. В этот мир попадает Леха, и уже по привычке действует по, как ему кажется, своему усмотрению. Но чем больше он действует, тем больше он чувствует себя «Стенобитным орудием» в чьих-то руках. Но события идут своим чередом, а его воздействие на мир оказывается ключевым. Хорошее это воздействие или плохое, он так и не может понять. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-10659-8

© Булатов А. Ю., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1. Оружие	5
Глава 2. Арена	17
Глава 3. Турнир	26
Глава 4. Хан	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1. Оружие

Вот уже неделю я жил у Элронда и наслаждался спокойной жизнью и эльфийской кухней. Эльфы умеют сделать жилье удобным, они специалисты по комфортной жизни, а также по вопросам терраформирования мест, где живут. В отличие от человека, основной принцип эльфа – неторопливость. Они не будут торопиться и строить дом из кирпича или срубленного дерева, они лучше его посадят и будут выращивать сто лет, направляя дерево в его росте, что бы вырос настоящий комфортный дом, с множеством комнат и всеми необходимыми приспособлениями. Ну а не хватит ста лет, они потратят двести лет, ну или пятьсот, или тысячу. В конце концов, спешить им некуда, можно и подождать. Элронд рассказывал мне про древние эльфийские города, окруженные защитным лесом, через который невозможно было пройти кому бы то ни было, если это оно не было под контролем эльфа.

– Прирученные пауки и тараканы Радужного – это ерунда, мелочь, мне практически не нужно прикладывать усилий, чтобы они исполняли мою волю. Вот поставить на службу василиска – это была интересная задача, с которой справились Эльфы северного леса. Вот и представь, они создали болото вокруг своего леса, в котором водились василиски, и в течении десяти тысяч лет никто вообще не мог к ним прийти без их ведома. Люди, которые жили рядом с ними, достигли пика в своем технологическом развитии, и считали, что эльфы – это персонажи из сказок, а это болото с лесом сделали заповедным запретным местом. А Эльфы там продолжали себе жить и существовать.

Величайшим достижением эльфы считали возможность уединения, чтобы их никто не трогал и они могли тысячи лет жить в своем лесу и тоже никого не трогать. Единственное, что им тоже хотелось, так это разнообразия в еде и напитках, и ради этого они выходили время от времени для торговли. Времена, когда эльфы хотели сделать мир лучше, остались в далеком прошлом, они давно перестали учить людей или гномов, заключать союзы и договоры. Они просто жили сами для себя и занимались тем, чем хотели, и очень не любили, когда к ним кто-то приходил и как-то их беспокоил. Самыми неприятными соседями эльфы считали нас, людей.

– А как вас любить? Вот у нас тут случай был, возникло людское поселение рядом с лесным городом, и каждые сто лет набег на лес, причем каждый раз получали от нас по полной программе, а проходит еще сто лет, так опять идут, ну вот как с ними бороться? Для нас сто лет – это не срок, а для вас – три поколения, за которые вы начисто полученные уроки забываете, вот поэтому нам легче уйти, чем жить рядом с человеком.

Эльфы искали миры, не заселенные человеком, и селились там. Радужный был собственным миром Элронда, который он самолично захватил, и где наслаждался одиночеством, которое очень редко нарушали посетители с Родного или его близкие родственники. Это было вызвано тем, что в Радужном не было суши. Вся планета в Радужном была заполнена одним большим неглубоким океаном, материков в нашем понимании тут не было, только несколько крупных островов, размером около сотни квадратных километров.

Всю нашу дорогу из Техно с Змеем мы просматривали Радужное, и везде было море. Наша дорога до дому тоже была очень интересным приключением. Мы нашли берег в Родном спустя сутки после перехода из Техно. Найдя более спокойное место в Родном, мы перешли из Радужного. В Родном была поздняя осень, было холодно. Хотя на Дальнем Востоке мы оказались в более-менее комфортном климате. Дальше нам то ли везло, то ли нет, сейчас уже очень сложно сказать. Мы были достаточно странно одеты для нашего родного измерения, так как на нас были перешитые зимние комбинезоны, которые Виктор заранее с приготовил. И за наш странный вид нас и забрала полиция. Вот тут, конечно, нас ждало много не приятностей,

так как документов у нас с собой не было, а граждане мы были совсем другой страны, и, как это объяснить, я лично себе не представлял. Но фортуна решила нам помочь, и главой местного отделения полиции, куда нас привезли, оказался бывший сослуживец Виктора, Кобзон. Мы уже сидели в «обезьяннике» и тихо шепотом обсуждали легенду, как же нам поступать, как вдруг Виктор увидел его. Кобзон был ровесником Виктора, в чине майора, видать тоже несильно ему удалось двинуть по карьерной лестнице. Виктор замер, изменился лицом и крикнул во весь голос: «КОБЗОН!!!»

Старый полицейский, который проходил мимо обезьянника вздрогнул, и начал всматриваться в нас и с удивлением произнес:

– Змей, мать твою! Ты что тут? Как? Живой, старый черт!!! Сержант, ну-ка открой клетку.

Потом меня ждало три часа ужаса, Виктор ушел со своим другом, и я остался один. Какие только черные и грустные мысли меня не посещали. В первую очередь я вспомнил, что Виктор, в общем-то, не совсем мне друг, и что я как раз и виноват во всех его последних приключениях, и то, что он меня тут может бросить, было вполне в тот момент очевидно. К этому еще прибавлялось отношение полицейских к моей персоне. Оно было негативно-пренебрежительным. Когда я попросился в туалет, меня отвели спустя пятнадцать минут, и мне становилось все страшнее и страшнее, но закончилось все неожиданно приятно. Спустя три часа по лестнице спустились Виктор и в усмерть пьяный Кобзон, и они пошли к выходу. Виктор держал Кобзона под руку и, похоже, что тоже изображал пьяного, но чуть более крепкого борца.

– Змей, мать твою, сколько же мы с тобой прошли, сколько ребят хороших потеряли, - плакал Кобзон на плече Виктора.

– Да, Кобзон, это правда! Давай щегла моего заберем!

– Кого?

– Ну, Леху, я ж тебе говорил!

– А. Ща.

Кобзон отделился от Виктора и сильно неуверенной походкой ушел в дежурную часть. Виктор посмотрел на меня абсолютно трезвым взглядом и подмигнул. С моих плеч упала гора, я не знал, что будет завтра, но я понял, что сейчас Виктор Сергеевич – мой друг, и это меня согрело от ушей до пяток. Все-таки то, что мы пережили с ним вместе за последние шесть месяцев, сгладило историю нашего знакомства, да и то, что в итоге видимо Техно подарило ему еще несколько лет жизни, сделало меня для него не врагом, а другом.

Кобзон вышел из дежурки, улыбаясь во все лицо, посмотрел в мою сторону и сказал

– Мы ждем тебя в машине!

И неуверенной походкой вернулся к Виктору, они ушли. Но потом минут десять ничего не происходило, и меня опять накрыл страх, но видимо зря. Через десять минут дежурный встал, открыл клетку, но повел меня сначала в хранилище, где вернул вещи, которые у нас отобрали с Виктором. Там был не богатый скарб: фонарик, пара банок с тушеным мясом, фляга воды, в общем, тот набор, который Виктор собрал с собой в техно, чтобы мы могли прожить в дороге пару дней. Я подписал акт, что все в порядке, и дежурный проводил меня до машины. Дальше была ночь в доме Кобзона, где я понял, за что он получил такую кличку. У него был шикарный голос, и он тянул песни знаменитого автора, ничуть не хуже оригинала. Потом была баня и много-много разговоров, воспоминаний про Афганистан и службу после. Мне приходилось делать вид, что мне это было интересно, так как разговор обоих стариков был направлен на меня, они оба попеременно рассказывали мне. Рассказы их были действительно интересными, но мне приходилось делать усилия, чтобы слушать их, так как события последних дней, морально меня вымотали настолько, что сопереживать рассказам двух стариков я был уже не в состоянии, но им хватало и того, что я просто сидел рядом, и многозначительно кивал головой.

– Вот, Леш, ты представляешь, я же ведь тогда еще моложе тебя был! Да тебе вот двадцать пять, а мне тогда двадцать три было, я только с учебки, только лейтеху получил, обмыть еще не успел, и тут отправили. Я гранаты-то в руках еще не держал, а тут смерть увидел! Ты знаешь, как она выглядит, смерть? Нет, тебя Бог миловал, а я вот видел. Когда с утра ты с товарищем зубы чистишь, а к обеду он лежит, как мешок картошки, и не реагирует ни на что, потому что у него половины балды нету! Вот только что был человек, и – бах – это уже просто кусок мяса. И ты сидишь и радуешься оттого, что этот осколок не в твою балду залетел, и плачешь от этого же.

Рассказы про Афган брали бы, наверное, меня за душу, но честно сказать, они были тогда от меня очень далеки, я был уставшим путником и хотел одного лишь отдыха. Но отдыхать мне не давали, и я, с трудом держась за реальность, выслушивал Змея и Кобзона про их молодые подвиги. Потом все-таки здоровье Кобзона дало сбой, и он отключился. Мы с Виктором отнесли его в комнату и уложили спать.

– Ты, Леш, не сердись, ведь это действительно наша жизнь, она уже в прошлом, нам старикам остаются только воспоминания. Петр, он так-то и не пил уже много лет, вот ради меня развязался. Как бы ему завтра плохо не было, а то он нам еще документы ведь выправить должен. Кстати, Лех, а вот эта штука-то ему помочь сможет?

Виктор показал на сканеры, которые были у нас на запястьях. Когда я учился на права в Техно, я помнил, что у сканера действительно есть функционал оказания первой помощи, человеку, но сможет ли он помочь старику, который влил в себя тонну алкоголя, я не знал.

– Давайте попробуем, так-то должно помогать, у него есть для этого выходы.

Я снял маскировочный пластырь с запястья. Пластырь придумал Виктор и заказал его еще в Радужном, когда было сообщение с берегом, и вручил мне со словами:

– Вернемся в Родное, пригодится, ты же не будешь объяснять всем, что это у тебя за фитнес браслет.

Пластырь скрывал браслет на запястье и маскировал его под кожу, его мог снять только владелец, а пластырем я его назвал потому, что он был липким и облегал все запястье, хотя кожа под ним не прела и не потела.

Я приложил нижнюю часть сканера к предплечью Кобзона и вызвал в коммуникаторе диагностическую программу. Проведя химический анализ крови, я получил массу неприятных диагнозов, которые говорили, что Кобзон действительно стар, и жить ему не очень долго, и что сегодняшнее употребление горячительного действительно не добавит ему лет жизни, но помочь я ему мог. Сканер впрыснул в кровь раствор, который помогал расщепить алкоголь и безопасно вывести его из организма. Затем добавил букет из седативных средств и гормонов, чтобы пациент к утру выспался и восстановился, и выдал мне рекомендацию, какой коктейль из аминокислот, приготовить ему на утро, чтобы снять негативные последствия с желудка и помочь восстановить организму потерянные элементы. Сопоставив ингредиенты с тем, что было у Кобзона дома, я понял, что коммуникатор мне предлагает сделать свежесжатый сок из капусты, картошки и яблока, с небольшим добавлением сливок и уксуса. Мерзость, по идее, редкостная, но коммуникатор говорил, что именно эти элементы помогут ему прийти в себя окончательно, и я решил не спорить. Утром я приготовил этот коктейль на троих, чтобы никто не подумал, что я хочу их отравить, и Кобзон его выпил и даже не поморщился.

– Змей, а щегол-то твой – лекарь волшебный! Я-то думал, сдохну, что-то я вчера не выдержал и сорвался, так-то мне уж и нельзя этого всего, сахар у меня космический, а ничего, чувствую себя, как помолодел прям.

– Да, Кобз, кого попало, не держим, ты же понимаешь, дело такое. Давай подумаем, как нам на материк-то выбраться, дело у нас секретное, на тебя одна надежда.

Выбраться на материк дело оказалось не очень простым, но и не очень сложным. Проблема была только в пересечении границы между Россией и Украиной. До Границы Кобзон

нас мог доставить просто, а вот через границу он нас переместить никак не мог, поэтому было решено организовать нам доставку до Белгорода, а в там нас ждал еще один сослуживец Змея, Макароныч, который должен был решить, что делать с нами дальше. Кобзон выписал нам справки об утерянных документах и дал нам билеты на самолеты с печатью для пакетов номер два. Нас привезли в аэропорт, и мы прошли в самолет каким-то хитрым путем, о котором я и не догадался бы, что он существует. Через двенадцать часов мы были в Москве, где транзитом перешли на самолет до Белгорода. В Белгород летел самолетик, SAAB, такой легкий, двухмоторный, полет в котором вызывал много адреналина и неприятных воспоминаний. Я летел в нем и думал, вот я прошел три мира, побывал в трех Вселенных, а погибну вот так вот в маленьком самолетике из-за порыва ветра. Но дальше, в целом, шло все достаточно спокойно, нас встретили, проводили до границы, через которую мы тоже прошли спокойно. На украинской границе нас встретил мой старый знакомый, Арсен, который был крайне удивлен: Виктор Сергеевич жив, и я – тоже, и, при этом, мы вместе. Но как человек военный, а он все-таки действительно был по выправке ближе к военному, нежели к бандиту, поэтому не стал задавать лишних вопросов и довез меня до Черкасов, где мы и распрощались с Виктором.

– Леш, ты посиди пока где-то в тишине, если что, пиши письма, я читать умею, у нас-то теперь связь есть своя секретная. Но мне пока что тут мои дела нужно в порядок привезти, ты Колян-то тоже передай, чтобы потише себя вел, я, как закончу все, сам вас найду, и будем тогда решать, что дальше делать. Никаких технологий в Родное не выдавай! Слышишь меня? Не вздумай! Иначе грохну тебя за раз, не поймешь, что к чему. Ты не понимаешь, насколько ты сейчас опасен для нашего мира, не хочешь его разрушить, как Техно, не делай ничего, понял?

– Да я понимаю, не буду ничего делать. Я Коляна с Лилей найду, и у них поживу.

Но пожить у Коляна с Лилей мне не удалось, нашел я их достаточно быстро, коммуникатор подключился к местным GSM сетям еще во Владивостоке, с алгоритмом Телеграмм пришлось повозиться пару часов, но и его вскрыть при помощи офигительного набора отверток, который я прихватил из Техно, мне удалось быстро. Восстановив свой логин, я выяснил, что Колян и Лиля живут в доме, в пригороде Черкасс. Туда меня Арсен и доставил, но, зайдя к ним в гости, я понял, что не смогу оставаться тут долго. Дело в том, что Лиля была беременна, и отцом будущего ребенка был явно Колян. Не то что бы я сильно ревновал, нет, ревности не было, все-таки Лилю я, можно сказать, бросил больше полугода назад, и, в общем-то, сам не хранил ей верность все это время. Но, так или иначе, это было тяжело, может даже не столько мне, сколько ей и еще больше Колян-то. Поэтому, попив чаю в неловком молчании, я спросил:

– Коль, а ты до Древа сможешь меня довести?

– Да, Лех не вопрос, это и не далеко, доставлю мигом.

И, допив чай и пожелав от всего сердца счастья Лиле, я уехал. Ехать было два часа, недалеко, и в пути Колян начал оправдываться:

– Ты пойми, Лех, тут столько всего случилось, она плакала каждый вечер, ну я и не выдержал. Потом, Лех, я к ней всегда был равнодушен, ты, когда с ней замутил, я знаешь, как ревновал? Но тогда не до этого было, ты на меня не сердись.

– Колян, да я даже рад, что так оно в итоге вышло, она такая девушка хорошая, и ты парень знатный, у вас нормальная семья, может, выйдет, так что не переживай.

Дальше я рассказывал ему про Техно, и что я там натворил.

– Эх, ну Леха, ну как ты мог такую красоту-то расфигачить? Ну как ты мог, нужно было послать всех этих уродов, и вот туда бы экскурсии водили за бабло.

Колян сопереживал моим мыслям и вторил им. Я рассказывал ему, почему я все-таки сделал это, про Клаву, про Элизу, в общем, все два часа пути я вроде как оправдывался за то, что сделал в Техно, в конце он все-таки сжалился надо мной и вынес вердикт:

– Леха ты молодец, конечно, очень жалко технологии и такое место, я бы вот очень хотел бы там зубы вылечить, как ты, но видимо ты поступил правильно.

Потом Колян рассказал о своих достижениях, он решил в Черкассах не повторять наших Каневских подвигов, потому что догадывался, что тут его достаточно быстро вычислят и грохнут. Он решил пока что залечь на дно и заняться изучением плодов. Дом он выбрал на пересечении линии в Радужное и в одной из комнат собрал пирамиду с линзой, а в другой – лабораторию по изучению плодов. Он мечтал открыть клинику для наркоманов и алкоголиков и говорил, что за шесть месяцев достиг очень многого, но и разочарования тоже у него были.

– Понимаешь, Лех, они, в большинстве своем, не хотят лечиться, и снятие зависимости приводит к суициду, от которого не избавиться вообще. Вот я и ты как-то легко соскочили, и я все думал, почему же вот мы с тобой завязали, а другие не могут? Из тех, кто препарат из черного плода употребил, половины уже в живых нет, другая половина, правда, держится, и я со многими общаюсь. Но половину мы с тобой похоронили, меня совесть гложет страшно. Я сейчас изучаю вообще, как это вещество действует на мозг, очень многое уже открыл и понял. Я все-таки открою клинику, где будем людей помаленьку выводить, цели им подменять, а потом уже в завязку их полную бросать.

В общем, Колян двинулся в направлении психиатрии и штудировал много литературы, общался с ведущими специалистами на эту тему. Я не понимал и трети слов, которые он говорил и может уже и сам стал психом, но то, что мне не было места рядом с ним, я понимал точно, у него был свой путь, хороший или плохой, но он сейчас был не рядом с моим. Я хотел реального отпуска, и очень мечтал, что Элронд разрешит мне пожить у него хотя бы недельку. И Элронд согласился, но сказал, что у него есть одно условие, ему нужен спарринг партнер для занятий фехтованием на мечях, и что, если хочу у него жить, минимум две тренировки в день должен ему проводить. Мне поначалу это показалось неплохой идеей, и я согласился и вот уже неделю жил в доме Элронда, наслаждаясь его гостеприимством, хотя за это наслаждение меня тупо избивали два раза в день палками. Спарринг с воином, которому несколько десятков тысяч лет от роду, это реально просто избивание младенцев. Я не мог удержать деревянные мечи в руках больше одной секунды, как ни старался, и все время получал этими мечами то по спине, то по груди, но самое обидное – чуть ниже спины. Кроме того, что Элронд бил меня, как мог, этими самыми деревянными мечами, он еще и обзывался:

– Ну что, наша глупая обезьяна научилась держать в своих лапах палки? Ну, давай посмотрим, что она умеет.

Так началось наше сегодняшнее занятие, я встал в стойку и поднял деревяшки на уровне груди, Элронд выскочил из моего поля зрения, и нанес два удара мне по запястьям, мои деревяшки тотчас же оказались в траве, после этого я получил удар по мягкому месту такой силы, что упал лицом в траву. Обида и злость накрыли с головой, хотелось пристрелить этого мерзкого эльфа, но было не из чего.

– Что, Лехич, сдался, да? Мыслишь о побеге в Родное? Пушку оттуда притащишь и застрелишь меня?

Слова Элронда жгли огнем, я прямо сейчас уже готов был свалить.

– Ну, ну, ну, спокойно, мой друг, спокойно! На поле боя противник тебя может оскорблять намного сильнее моего, а пинок по мягкому месту – один из самых безопасных для жизни, хоть этим и обиден еще больше. Ты не слушаешь то, что я тебе вчера говорил, когда ты встал в стойку, перестань доверять только глазам, у тебя есть еще чувства, слушай их. Вот встань сейчас, возьми мечи и повторяй за мной. Противник может быть быстрее и хитрее тебя, и ты, не зная его, должен сразу применить оборону. Вот, смотри, запоминай упражнение и повторяй его.

Так проходили уроки с Элрондом, сначала он показывал мне, что я стою меньше, чем какашки от мокриц, которые едят листву его дерева, а потом начинал учить. Я нашел в коммуникаторе образовательные программы, которые помогали мне запомнить движения. Правда программа была не для обучения боевым искусствам, а для игры в танцы за баллы. Но я при-

способил ее для занятий, записывал на видео упражнения, которые показывал мне Элронд и потом, когда он, наигравшись со мной, удалялся, повторял эти движения, набирая баллы в этой игре. Спустя две недели упорных занятий я смог не выронить мечи в первую секунду сражения и даже пару раз отразить удары.

– О, наша обезьянка скушала вкусный банан, – одобрительно произнес Элронд, когда не смог поразить меня в первый выпад.

Я расплылся в улыбке, подумав, что вот какой я молодец, и через мгновение опять оказался носом в траве с красной задницей.

– Пока противник дышит, ты не можешь считать себя победителем, и контроль терять нельзя.

Опять злость, духота и мысли о побеге проникли в мою голову. Если бы не Элиза, а именно она была моим мотиватором жизни у Элронда, я бы уже сбежал. Ну, еще, конечно, кровать, душ и еда, которую я не ел нигде до этого и видимо не поем. Но Элизу я ждал каждый вечер, я засыпал с надеждой, что она тихой тенью войдет ко мне в спальню, как она это делала в Техно, и я наслажусь ее телом и ее электричеством. Кровать в доме Элронда была волшебной, она залечивала за ночь то бесчисленное количество синяков, которые оставлял мне ее создатель. И опять, и опять я оказывался носом в траве с новой порцией синяков, но злость все-таки сделала свое дело, я хотел победить этого старого пердуна, это стало моей целью.

– Алексей, запомни, то, что нас гладит, чаще всего нас убивает, то, что нас бьет, делает нам добро, ты вот был в Техно и видел заглаженное человечество, что с ним стало? Оно вымерло! И потому всегда цени те уроки, когда тебя бьют по носу!

Эта фраза меня тоже раздражала, да, конечно, слышал сто раз, все, что нас не убивает, делает нас сильнее. Ага, как же, этот позор, унижение и глумление делают меня сильнее? Да я в жизни не научусь держать эти мечи в руках.

– Техника владения двумя мечами без защиты – это эльфийская техника, мечи – лучший щит при хорошем зрении. Сбить мечом стрелу, пущенную не эльфом существенно легче, чем отразить ее щитом. Да и меч легче щита, он отнимает меньше энергии. Ну и еще, конечно, один момент, все эльфы обоюдоруки, среди них нет правшей или левшей, как у человека, и потому наша техника совершенна. Тебе, конечно, сложнее будет овладеть ей, но у тебя есть шанс, так как тебе повезло с учителем.

Вот так вот, не похвалив себя, Элронд не мог закончить ни одной фразы. И я опять вставал, и опять пытался отразить эту старческую молнию, и опять оказывался в траве. Спустя два месяца я научился держать мечи в руках целых три секунды и даже успевать сделать два или три выпада. Все эти два месяца я целиком и полностью проводил в занятиях, утром был бой с Элрондом с неизменным результатом, потом он показывал мне очередное упражнение, которое я оттачивал потом весь день на тренажере, а вечером эльф показывал мне, что это упражнение ничему хорошему меня не научило. То, что я учусь, было заметно лишь по миллисекундам увеличения продолжительности боя, но даже если бы я оттачивал всю жизнь это мастерство, не думаю, что смог бы устоять против Эльфа, потому что он имел то, чего у меня не было, время. Но неожиданно я заслужил похвалы, правда, как всегда, своеобразной:

– Вы, люди, конечно, очень быстро учитесь, то, чего ты достиг тут за два месяца, эльф бы осваивал не меньше пятидесяти лет, хотя у тебя и нет той элегантности и отточенности движений, которых достигают эльфы. Но, к сожалению, в бою элегантность не ценится, и пропоротый некрасивым движением живот мало чем отличается от красиво пропоротого.

Вообще, битва на мечах мне начинала нравиться, несмотря на боль и унижение, в этом была действительно своя красота. Я научился владеть обеими руками и отражать как минимум один выпад Элронда, как бы он ни пропадал. Тут действительно приходилось задействовать все органы чувств и интуицию и применять несколько шаблонных, но совершенных приемов защиты. Да, если бы в наших руках были бы мечи, а не деревяшки, то моя бы жизнь все равно

бы не продлилась дольше тридцати секунд на поле боя, но и это было бы великим достижением с таким противником, как Элронд. Вообще, настоящие сражения на мечях сильно отличались от тех, которые показывали в американских блокбастерах. Там обычно противники вставали друг против друга с грозным видом и начинали усиленно махать мечами во все стороны с задорным уханьем и аханьем. В сражениях с Элрондом все происходило совсем по-другому, мы вставали в стойку друг напротив друга, и на этом вся схожесть с блокбастерами заканчивалась. Дальше все это напоминало стремительное движение: выпады длиной в несколько секунд, прием, удар, блок, отход, опять прием, удар, блок, отход, прием, удар, прием, удар, и я на земле. Все решения в бою были за миллисекунды, а все движения не на уровне сознания, а где-то глубже, в задней части мозга, которая начинает действовать независимо от твоей логики и желаний. Я научился выживать в схватках именно тогда, когда эта часть мозга брала схватку под свой контроль, вытесняя личность Алексея на задний план. Элронд называл эту часть мозга «древним мозгом» и говорил, что именно эта часть мозга управляет мышечной памятью, и что в бою главная она, и что даже в другую жизнь я могу вытащить часть этой памяти при правильных методиках, хоть это в корне и неправильно, по мнению Элронда.

К концу третьего месяца занятий, я мог выстоять против Элронда уже минуту, но цена проигрыша выросла на порядок. Теперь каждое мое занятие заканчивалось сильным кровоподтеком и содранной кожей или даже выбитым суставом. Поскольку пробивать меня стало сложнее, то и травмы стали опасней, но я думаю, что Элронд все равно не сражался со мной в полную силу, так как набор приемов и упражнений у него был огромен. Я думаю, он бы запросто справился со мной, если бы у него в руках были деревянные мечи, а у меня металлические. Я продолжал ждать Элизу, я мечтал о ней, каждую ночь и каждый день, я несколько раз заговаривал с Элрондом на эту тему, и спрашивал его:

– Как ты думаешь, она придет к тебе или нет?

Он смотрел на меня долгим взглядом и говорил:

– Она обязательно придет, но когда это произойдет, Алексей, я не могу тебе сказать, это может быть завтра, может – через год, а может и через сто лет.

От этого мне становилось грустно. Вот и сейчас мы сидели вечером за столом после очередной тренировки, на которой Элронд вдруг сказал:

– Все, Алексей, среди людей равных твоему боевому искусству уже не так будет просто найти. Не оставляй занятий по тем упражнениям, которые я тебе дал, и ты точно выйдешь живым из большинства схваток.

То есть он остановил занятия со мной, он что-то планировал для меня. Я чувствовал, что все эти занятия не только для того, чтобы размять старое тело Элронда. И вот мы сидели с ним, пили удивительный нектар, который он решил достать из своих погребов. И пригубив немного больше, он начал мне рассказывать, для чего же он меня учил все это время.

– То, что ты сделал в Техно, это удивительно. Мое предвидение не дало сбоя, когда я встретил тебя возле куста, я смотрел, будет ли от тебя какая польза, или стоит тебя скормить тараканам, но я видел, что в будущем есть вероятности пользы. В Техно ты мне это доказал, ты дал человечеству Техно второй шанс, и они обязательно им воспользуются. Теперь я хочу отправить тебя в новое путешествие, в новый мир. Я не знаю, сможешь ли ты что-то в нем изменить или нет, может и не сможешь, но, по крайней мере, ты попробуешь.

Радость во мне зашевелилась, неужели еще есть такое вот Техно, где я смогу провести время один? Элронд, видимо, прочитал мои мысли, ну или просто угадал их ход, рассмеялся и сказал:

– Нет, в этом измерении человечество не вымерло, наоборот, оно устойчиво выживает, но застряло в глубоком средневековье. На каком-то этапе своего развития человечество в этом мире вдруг решило, что все зло, которое есть на планете, из-за женщин и лишило женщин каких-либо прав, поместив их в городские гаремы. И это дало результат, войны и между усо-

бицы в этом мире прекратились, все свелось к рыцарским турнирам с возможностью завоевания права входа в городской гарем на праздник плодородия. И все бы ничего, вот только человечество в этом мире остановилось в своем развитии полностью, они перестали создавать творцов, и создатель этого измерения сейчас в шаге от того, чтобы перезапустить все заново. Но, как тебе уже говорила Элиза, это самый крайний случай, когда создатель вмешивается в свое измерение, нарушая заложенный изначально ход вещей. Поживи там, подумай, посмотри, может быть, что и придумаешь, и тогда вернешься и расскажешь, что.

Мне не хотелось уходить из дома Элронда, очень не хотелось, я ждал Элизу и надеялся, что она вернется. Но новый мир, новое приключение – это было интересно.

– А когда мне нужно отправляться?

– Ну, обучение мы с тобой провели, чтобы ты был лучшим бойцом в этом измерении, язык ты освоишь там уже сам, ты же взял из Техно приложение для этого?

– Да, конечно.

– Ну, я думаю, завтра мы отправимся в путь, только сначала заглянем в лес к моим друзьям, нужно тебе подобрать что-то из оружия и доспехов, потом отправимся туда.

Чтобы уснуть этой ночью, мне пришлось дать задание сканеру впрыснуть мне успокоительного, так как ожидание путешествия перевернуло мое сознание с ног на голову. Интересно, думал я, устойчивый мир только потому, что женщин загнали в гаремы? То есть потому, что от мужчин оторвали женщин, мы перестали воевать? Так что Элронд хочет сказать, что все войны в Родном начинались из-за них? Хотя, может, так оно и есть. Реально же и у нас говорят, что все зло от них, вон, были мы с Коляном лучшими друзьями, а теперь хорошо, что в горло друг другу не вцепились. Хотя Лиля-то хорошая, и я даже рад, что они теперь с Колей вместе, но все равно на душе как-то неприятно.

Сон пришел, мне приснились амазонки на конях и в сияющих доспехах, которые ловили на полях голых мужчин и всаживали им длинные копья между ягодиц, весело хохоча. Я бегал по этому полю, голый, размахивая причиндалами и крича во все горло от ужаса. Меня догнали две амазонки на белом и черном конях, с длинными копьями, и вдруг из-под забрал я увидел, что одна из них – это Лиля, а вторая – Элиза. Они направили копья на мою попу, подгоняя своих коней, а я все бежал и бежал, и орал во все свое горло. Проснулся я в холодном поту. Что за сны мне тут снятся? А так утро было прекрасным, как всегда все синяки и царапины прекрасная эльфийская кровать мне вылечила, а в душе-цветке я мог бы мыться вечно. Я три месяца прожил в доме Элронда и понимал, что эльфы в умении комфортно жить достигли совершенства, и в очередной раз я понимал, что мне нужно покинуть этот дом в неизвестном мне направлении и по заданию, непонятно какому. Конечно, мне было интересно, я хотел нового приключения, прошлая жизнь теперь казалась какой-то нереальной, как будто я спал двадцать четыре года и вот только год назад проснулся и начал жить. Сколько людей всю свою жизнь вот так и проводят во сне, так и не проснувшись. А ведь, чтобы проснуться, не нужно таких чудес, какие произошли со мной, ведь в жизни и так доступных нам открытий множество, но что-то не дает нам сделать их и измениться, и мы продолжаем спать и спать. Только ли алкоголь виноват в этой спячке, или просто мешают лень и трусость, которые есть в человеке? Не та лень, которая заставляет валяться в кровати, когда ничего делать неохота, а та лень и та трусость, которая не дает изменить что-то в жизни, когда вроде и так все есть.

Перед тем как отправляться в путь, я хотел сделать одно дело, связаться с НП и рассказать ей, что со мной все в порядке. Позавтракав с Элрондом я сказал, что хочу вернуться ненадолго в Родное, а потом уже двинуться с ним в новый мир. Я перешел в Родное и настроил коммуникатор на GSM и решил попробовать набрать НП по Скайпу. Удивительно, но она взяла трубку, и я увидел ее лицо на внутреннем экране, я увидел лицо НП, и сердце мое защемило.

– Приветствую, Наталья Петровна, это Алексей.

– О, Леша, дорогой, ты живой? Все в порядке?

– Да, со мной все хорошо, я в Киеве работаю, тут дело свое открыл, все хорошо у меня.

– Ох, хорошо, что набрал мне Леша, я-то уже и не знала что думать, пропал совсем, не писал, не звонил. Чего только не думала про тебя.

– Да все в порядке со мной, вы не переживайте, я, как обустроюсь, либо сам к вам в гости приеду, либо к себе вас позову, просто сейчас очень много работы, и не оторваться было.

– Да, мне Коля, друг твой звонил, месяца четыре назад, говорил, что с тобой все в порядке, что жив-здоров, ну ты не забывай про меня, Леш, если что возвращайся, а что экран-то твой не работает?

Да, как передать картинку на скайп, был вопрос, который я не смог решить, все-таки внешней камеры у меня не было. Пришлось врать дальше:

– Камера у меня не работает у ноутбука, не могу подключить пока что, ну вы там не переживайте за меня, у меня хорошо все, вот нашел окошко и набрал сразу.

– Спасибо, Алексей, звони мне, будет еще окошко.

Я положил трубку, сколько я думал над тем, что бы привезти ей подарок из Техно. Сканер вот думал привезти, и ничего не привез, все свободное время прогулял, когда мог решить вопрос с подарками, а потом уже недосуг было. Эх, вот такой я чудик. Еще я решил набрать Виктору Сергеевичу и узнать как у него дела, набрав по коммуникатору через канал GSM. Он ответил:

– Да, Алексей, рад тебя слышать, где пропадал?

– В Радужном был, у Элронда.

– Ты обещал нас познакомить, Алексей, помнишь?

– Да, он меня вот командирует в новый мир, вернусь, познакомлю.

– Что, очередной мир разрушить нужно?

– Ну, как бы да, наверное, но он говорит, сходи, мол, посмотри, что там и как, и возвращайся.

– Ну, хорошо, Леш, давай! Разрушать у тебя хорошо выходит, вернешься, давай ко мне в «Бобровку» поговорим обо всем, что и как, подумаем.

– Да, хорошо, Виктор Сергеевич, удачи Вам!

– Да мне-то что, это тебе удачи.

Я постоял, подумал, стоит ли может еще и Колянну набрать, но решил, что нет, и вернулся в Радужное. Элронд стоял возле Древа и ждал меня.

– Алексей, мы сейчас пойдём в мир Эльфов, напомню тебе, что они не очень-то любят людей, поэтому прошу не пылить и не обижаться. Тебе там рады не будут, совсем не будут. То, чем мы занимаемся с Элизой, не все одобряют, помогать людям не все у нас считают правильным. Так что давай без эмоций.

Легко сказать, без эмоций! Я думал, ну пусть не рады, смотреть будут с раздражением или еще что, но когда высокий, стройный эльф смачно харкнул мне в лицо со словами:

– Что делает здесь эта вонючая обезьяна! – мне было очень сложно сдержаться, настолько сложно, что Элронд схватил меня за руку и так сдавил запястье, что у меня засверкало в глазах. Вслух он сказал:

– Лендисас, не очень-то почетно эльфу вести себя хуже обезьяны.

Эльф узнал Элронда и, видимо, сильно смутился от своего поступка, он потупил глаза и отошел в сторону. Элронд же, напротив, чему-то радовался и улыбался, видимо, мое унижение было ему крайне по душе. Мы вошли в эльфийский город. Для человека со стороны эльфийский город не был бы заметен. Просто огромный лес из огромных деревьев. То, что тут живут Эльфы, никто бы не понял. Но я сразу сообразил, ведь древо Элронда в Радужном было точно таким же, только тут их было множество, мы перешли в это измерение где-то в километре от эльфийского города и шли сначала по крайне некрасивому черному лесу, где видимость была очень плохой.

– Вот, Алексей, что я тебе и рассказал, город эльфов окружен защитным лесом, пройти который без сопровождения эльфа невозможно, хотя в этом измерении нет других разумных существ, кроме эльфов, но все равно традиция есть традиция. Но если тут появятся люди или гномы, они будут уничтожены физически.

Да, отношение эльфов к людям я прочувствовал сразу после встречи первого же эльфа в этом мире. Обида жгла настолько, что я даже не смог толком рассмотреть всю красоту эльфийского города.

– Мы тут надолго задержаться не сможем. Сейчас мы напрямик пойдем в оружейную, и подберем тебе доспех и мечи, но есть одно условие, ты не сможешь уйти в них отсюда, не доказав, что ты их достоин. Тебе нужно будет сразиться за право на ношение эльфийских доспехов, это тоже традиция. Шансов против эльфов у тебя практически нет.

Да, перспективы, которые мне нарисовал Элронд, были какими-то безрадостными. Мало того, что меня оплевали, так еще, похоже, и убьют. Мы зашли в корень одного из деревьев, и пошли по коридору, пробитому в дереве. Элронд вдруг взял меня за руку, и затащил в неприемлемую комнатку, которая была справа от коридора, и закрыл дверь.

– Так, тихо, Алексей!

Элронд внимательно прислушался и минуту стоял без движения, я тоже замер и почти перестал дышать. Через минуту, видимо убедившись, что никто нас не подсушивает, Элронд начал говорить.

– В конце коридора нас ждет эльфийская оружейная, там с меня спросят, по какому праву я притащил сюда человека, я отвечу, что по праву борца за дело правое, короче эта наша эльфийская лабуда, традиции. Я сам когда-то их и придумывал, за выходом из оружейной будет арена, где тебе предстоит выбрать себе противника и сразиться с ним. Как я тебе говорил, шансы твои крайне малы, но все-таки шанс есть, не зря же я с тобой занимался столько времени. Главный порок эльфов – это гордыня, а отсюда – недооценка противника. Ты должен валять дурака, и ловить момент, когда сможешь показать, что умеешь. Обязательно на лице должны быть растерянность и недоумение, максимально включай свой актерский талант. Очень на руку, что твоим противником будет Лендисас, он сравнительно молодой Эльф и терпеть не может людей! Дождись момента и сбей его с ног. Убивать его не нужно, и постарайся не ранить. Жизнь Эльфа бесценна, и, если ты причинишь ему серьезные травмы, ты не сможешь уйти из города, несмотря на традиции, и даже я ничего не смогу с этим сделать. Но убивать, я надеюсь, и не придется, просто сбей его с ног, когда увидишь, что сможешь это сделать, и валяй дурака до последнего! У тебя будет всего один шанс!

Я понял, что именно на этой стратегии и была построена тактика Элронда, я мог выстоять один раунд, но, чтобы Лендисас не дрался в полную силу, я должен был внушить ему, что я несерьезный противник. Ну вот что-то, а валять дурака это я умел. Элронд открыл дверь, и сказал:

– Тебе не спрятаться уже от нас, Алексей! Ты просил оружие и ты его получишь, но, сможешь ли ты уйти с ним отсюда, зависит только от тебя. Эльфы никому не отказывают в помощи, но не дают ее просто так.

Видимо, эти слова Элронд произносил уже не для меня, хотя вокруг никого и не было, я вспомнил, про магический Эльфийский слух и магическое зрение, сейчас нас слышал весь город Эльфов. Мы пошли дальше по коридору, вошли в оружейную, где нас встретил другой, очень старый эльф.

– Приветствую тебя, Элронд, зачем ты привел сюда этого человека?

– Приветствую тебя, Гвидор! Я привел человека, который хочет получить оружие эльфов.

– Ты понимаешь, человек, стоимость данного оружия?

– Ну да, наверное, оружие оно и есть оружие.

Гвидор хмыкнул, и пробубнил уже не так пафосно, про себя:

– Вот, блин, Элронд притащил мне задачку, это мне все от кишок отмывать, весь вечер.

Мороз пробежал по коже, видимо, исход поединка ни у кого не вызывал сомнения, для эльфов это было лишним поводом потешить собственное тщеславие и доказать самим себе, что они лучше всех во Вселенной и даже не в одной. Холодная злоба пылала в моей душе огнем. Меня избивали три месяца два раза в день, чтобы я научился сдерживать эмоции. Нужно играть дурачка? Вы получите дурачка. Гвидор принес доспехи и два меча. Доспехи состояли из кольчуги, наручей, наколенников, панциря и прочих обязательных атрибутов. Я начал их одевать и восхитился умению эльфийских оружейников. Каждая деталь была произведением искусства, все легкое, как перышко. На мне был эльфийский живой комбинезон, который мне дал Элронд в качестве одежды, когда я пришел к нему, со словами:

– Если уж этот загубишь, нового от меня уже не получишь.

Я одел доспехи, и понял, что играть дурачка у меня получится отменно, я не знал, как правильно одевать эти доспехи и многое даже скрепил неправильно, но понял это слишком поздно. Так, например, наручи я привязал, перевязав ремешки на узелок, и только потом обнаружил специальные петельки с автозажимами, а пластины, которые должны были крепиться на икры, защищая кость ноги спереди, я закрепил непосредственно на икры, завязав их спереди бантиком. В общем, в этих прекрасных эльфийских доспехах я выглядел, как пугало огородное. Закрепив два меча на спине, я придумал еще один момент, который сделает меня полным дурачком для искушённого зрителя. Я не закрепил одни из ножен, и они болтались на спине, хлопая меня по попе при каждом шаге. В общем, образ дурачка в доспехах мне удался на славу. Я вышел из оружейной, увидев, что дверь, из которой мы пришли, закрыта, а в другом конце коридора – открыта. Я вошел в нее и попал на открытую площадку арены. По бокам были возвышения с креслами, на которых уже сидели, видимо, все эльфы города. Как я и думал, на такое развлечение, как издевательство над человеком, эльфы собрались посмотреть весьма охотно. Тут были эльфы всех возрастов. В глазах всех зрителей я читал одно: усмешку, презрение. Я почувствовал себя каким-то тараканом на бегах, которого не давят только потому, что он должен бегать по своей дорожке. Я решил, что хорошо бы мне для полноты образа шлепнуться, задрал голову, разглядывая зрителей, сидящих на самом верху, и, запнувшись одной ногой за другую, славно растянулся во весь рост. Причем мой расчет на незастегнутые ремешки мечей оказался верным, мечи вылетели и упали в песок арены, а дружный гогот эльфов показал мне, что эльфы, может, и продвинутая раса, но поржать над упавшим человеком и им не чуждо. Вскочив на ноги, я поднял один меч, и вставил его в ножны, подошел ко второму, и наклонился так, чтобы первый меч выпал опять из ножен, и новая волна хохота с трибун накрыла арену. Ну что же Элронд, дурачка-то играть я могу. В душе было холодное спокойствие, такой ледяной огонь, адреналина в крови было больше, чем кровяных телец, я был максимально собран и сфокусирован. Справившись с мечами, воткнув их в ножны, я выпрямился. Передо мной на арене стоял Лендисас, улыбаясь во все лицо. Как и говорил Элронд, с противником мне повезло, уж кого я бы хотел уронить лицом в песок, так это его, за приветственный плевок в лицо очень хотелось отомстить.

Я четко помнил уроки Элронда по стойкам, со слабыми и сильными сторонами каждой, но решил все-таки еще добавить красок в картинку полного дурачка, и потому встал в стойку, в которой был на самом первом занятии с Элрондом, то есть просто вынул два меча, и, прижав руки к бокам и расставив ноги, встал лицом к противнику. В тот первый урок я не продержался и одной секунды, потом Элронд объяснял мне все мои ошибки. Как я и рассчитывал, моя нелепая стойка совсем расслабила Лендисаса, и он даже не стал вынимать второй меч, а взял только один в правую руку. В этот момент над Ареной раздался чей-то зычный голос:

– Человек вправе получить оружие эльфов, обратившись за ним! Но он должен выстоять в поединке против любого из нас, и доказать, что он достоин этого оружия, так было и так будет, это наша традиция, и мы чтим ее. Итак, человек, защищайся!

Я не знаю, для чего собрались эльфы на Арене, если бы Лендисас принял бы меня за серьезного противника, поединок бы продлился секунды три, может четыре, если бы я был несерьезным противником, то не более двух секунд. То, что я оказался для Лендисаса темной лошадкой, все равно не сделало поединок более длинным. Он продлился ровно две секунды. Лендисас с выставленным вперед мечом сделал быстрый колючий выпад в надежде проткнуть мне правое плечо. Его расчет был мне понятным, он хотел проткнуть мне оба плеча, красиво развернувшись вокруг меня, а потом подсесть мне сухожилия на коленях, оставив меня без рук и без ног лежащим на арене. Этот самый прием Элронд проводил со мной первые двадцать раз, и я точно знал, как выходить из этой ситуации, к тому же Лендисас облегчил мне задачу, взяв всего один меч в руку. Я сделал шаг назад, парировал его выпад обоими мечами, потом, перекатившись через спину, оказавшись у него за спиной, со всей силы ударил мечами плашмя ему по ягодицам. Добившись того, что Лендисас чуть-чуть потерял равновесие, я встал во весь рост, правым плечом поддев его снизу, чтобы он рухнул уже гарантировано.

Над ареной повисла гробовая тишина, мой неожиданный прием с переворотом удивил всех, в том числе и Лендисаса, который, рухнув лицом в песок, мгновенно вскочил на ноги, повернувшись ко мне лицом. На лице его читались ярость и недоумение. Он уже был готов броситься в атаку, в которой у меня точно не было бы ни единого шанса. Я встал уже в нормальную стойку и стал ждать. Буквально за одно мгновение перед броском эльфа в новую атаку над Ареной раздался тот же самый зычный голос:

– Стой, Лендисас! Ты проиграл! Человек заслужил право на оружие!

Я очень хорошо видел взгляд Лендисаса, в нем было столько гнева что, если я сейчас достал бы спичку из кармана, она бы наверняка загорелась от его взгляда. Он понимал, что проиграл, понимал, что я бы мог ударить его не плашмя, а острием, и его бы уже не было в живых, от этого его гнев был еще сильнее. Но, к счастью, эльфы умели держать себя в руках, и я понял, что мне ничего уже не угрожает, поэтому я распрямился из боевой стойки и убрал мечи в ножны. Спустя две долгих секунды, Лендисас тоже убрал мечи и сказал:

– Ох и недооценил я тебя и старого плута Элронда! Поймал ты меня, человек, ох, поймал! Надо же, еще и мечи по арене раскидал, и доспех повязал, как в первый раз в жизни, а сам-то боец.

– Ну, по правде сказать, доспех-то я и правда в первый раз в жизни повязал, но с мечами действительно кое-что умею, да и мне просто немного повезло. Так бы мне не выстоять против вас, Лендисас, – раз эльфы склонны к гордыне, значит, и лесть против них должна работать безотказно, подумал я, и не ошибся. Лендисас заржал:

– Ну, человек, рассмешил, да, ты бы против меня не выстоял, если бы я понял уровень твоей подготовки. Но согласись, сейчас ведь не ты меня победил, а старый плут Элронд.

– Да, без сомнения, где уж мне до вас!

– Ну ладно, раз Элронд на это пошел, значит, у него действительно есть на тебя планы.

Видимо, все в душе Лендисаса встало на места, он нашел себе оправдание, что он проиграл куда более опытному противнику, чем он сам, а какому-то человечку, поэтому он весело заулыбался, развернулся и пошел на выход из Арены. А я пошел вслед за ним, увидев Элронда, который ждал меня на выходе.

Глава 2. Арена

Я шел по дороге. Таких дорог у нас в Родном было очень много, у нас их называли проселочными. В мире, где я был сейчас, это, видимо, была магистраль или автобан, так как за пятнадцать минут мне навстречу проехало уже несколько повозок. Глядя на эту дорогу, я осознал высокую ценность асфальта и вообще дорожных технологий. Перемещение по ней даже пешком было ненамного легче, чем перемещение по полю в Радужном. Дорога представляла собой кашу из глины и мелких камней. Я бы даже сказал, что это не дорога, а просто... направление, по которому, скорее всего можно было попасть в некий населенный пункт. Шел мелкий морозящий дождик, который помогал этой самой дороге превращаться в глиняную кашу, и я брел к городу.

Путь в это измерение из города эльфов занял четырех перехода, два из которых Элронд совершил сам, а два мы прошли при помощи пирамиды. Все переходы в мирах не оставили никаких ярких воспоминаний. Как сказал Эдронд, большинство создателей работают по успешным шаблонам творения и потому большинство Вселенных очень похожи между собой. Да и материя дальше развивается в направлении самосовершенствования и находит практически одни и те же пути. Например, каким бы банальным это ни казалось, но самый совершенный цвет листьев – это зеленый. Таблица Менделеева в материальной части Вселенной остаётся основным набором элементов, все дело в мелочах, даже в строении той же планеты. Так вот в Радужном материи не выдвинулись из-под воды, потому что сейсмическая активность распределилась более-менее ровно по всей поверхности планеты, и, как следствие, жизнь не вышла на поверхность. Но, как сказал Элронд, в Радужном есть жизнь, и даже есть разумные ее формы, но там эволюция пошла другим путем, и, возможно, что это будет совсем другой набор Вселенных. В Техно был единый огромный материк, который сильно повлиял на социальную динамику развития человечества, и привел к ускоренному его развитию в техническом плане, и к гибели, в конце концов. В мире амазонок, по рассказу Элронда, строение было материковое, три крупных материка и много островных государств. В общем-то, все для развития человечества тут было идеально, но вот именно решение отделить женщин от мужчин изменило ход истории в данном измерении, таким образом, что человечество глубоко и надолго застряло в средневековье. Но, как рассказывал Элронд, проблема не в этом, так как в самом этом временном отрезке, которое мы называем средневековьем, нет ничего плохого, но человечество остановилось в развитии полностью. Отсюда перестали выходить создатели, и это было самым неправильным. И вот, я прибыл в этот мир с целью провести разведку, то есть разнюхать, понять, что тут к чему. Элронд сказал, что в средневековье всегда и во всех человеческих мирах ценились индивидуумы, владевшие оружием. А, имея Эльфийскую подготовку, и мечи с доспехами, я тут был практически неуязвим с его точки зрения. Ну а при условии того, что из Техно у меня остался коммуникатор и сканер, то моему здоровью вообще ничего не угрожало. И, если я тут простужусь, а я скорей всего простужусь, умереть от простуды мне не дадут эти замечательные устройства, батарейки которых были рассчитаны на работу еще лет двести после моей кончины в глубокой старости. И вот, я месил грязь в направлении населенного пункта, который мне указал первый же житель, которого я тут встретил. Наш разговор был забавным, я понимал его речь, так как мой коммуникатор переводил все мне непосредственно в мозг, и я понимал его речь, как родную. А вот он мою речь не понимал в принципе, так как я то говорил на своем родном языке, а у него коммуникатора не было. К счастью в числе приложений, который я умыкнул из Родного, было приложение по обучению языку. Коммуникатор разбирал слышимый мною язык по определенным признакам и правилам, и быстро формировал мне набор уроков, которые я начинал зубрить, произнося вслух слова. В мире Амазонок

чужестранец, плохо говорящий на языке не был такой уж редкостью, и потому первый путник, которого я встретил, не был ни удивлен, ни напуган. Это был крестьянин, который возвращался с городской ярмарки, где он продал все, что вырастил, успешно пропил заработанные деньги и теперь возвращался в свою деревню работать до следующей ярмарки.

То, что результат всей работы он спустил в кабаке, его ничуть не смущало. Сожалел он только, что не смог набрать денег, чтобы купить ярлык для посещения женщин. Ко мне он обращался не иначе как «Немчура», то есть как сленговое от слова «немой», тот, кто его не понимает и не говорит.

– Вот за всю жизнь один раз только к бабцам-то попадал, когда барина одного из болота выручил, вот он мне ярлык-то и подарил, на первое посещение, мне тогда почитай двадцать лет и было, я три дня тогда по девкам-то лазил. Вот бы еще повторить. У тебя-то как с этим вопросом? А, немчура, ни хрена ты не понимаешь, что-то все балаболишь себе.

Коммуникатору нужно было, чтобы он говорил, чтобы разобрать чужой язык и сформировать мне уроки для занятий. Поэтому я не хотел его отпускать дальше, и шел с ним рядом. Крестьянину компания была видимо по душе, а возможность рассказывать про свою жизнь пусть даже собеседнику, который, как он думал, его не понимает, вообще в радость.

– Так-то конечно нужно бы подкопить-то и еще разок-то к ним сходить, они конечно и зло, но все-таки тяжело уж без них-то, без баб, все мысли-то о них. Я вот кафтан себе купил на зиму, да еще всякой требухи, а потом кабак этот, будь он не ладен. И что я туда прусь-то каждый раз? Дома-то сам брагу делаю, пей – не хочу, а там – не хочу. А тут компания, есть посидеть с кем, потрещать, и вот все, что наторговал, почти спустил. Ох, ох, ох, что за голова-то дурная, ну никак удержаться не могу. Главное, себе говорил, ни за что не пойду, хватит. Ан нет опять пошел, так-то вино-то, конечно, повкуснее браги. А как пригубил-то, уже и денег не жалко, и как остановить-то себя ума, не приложу.

Тут я решил произнести первую фразу:

– Скажи дорогой, город там? – спросил я, показывая пальцем в направлении, откуда он шел:

– Ух ты! По-нашему все же шпаришь маленько, да? Да, город он там, только нужно говорить ГОРОД, а не так как-то. А город действительно там, только что тебе там сейчас делать? До турнира неделю еще ждать, только ярмарка вот закончилась, ну да тебе видней, немчура.

– Как тебя зовут? – произнес я фразу, которую любезно выдал мне коммуникатор.

– Загибом меня звать, а тебя как?

– Алексей.

Тут, видно, мое имя вызвало у него сложности с произношением, и он потянул:

– Алешшей...

Ну, подумал я, Алешей, так Алешей.

– Спасибо тебе, Загиб, я пойду до города, к турниру готовиться буду.

– Ох, как ты словеса-то коверкаешь, Алешшей, ну да освоишься со временем, давай топай себе с Богом. Ты там к начальнику охраны сразу иди, он тебя в тренировочную пустит пожить, все дешевле будет.

Да вопрос моего проживания в мире Амазонок я не продумал. Кушать-то было что, пока у меня был с собой запас еды, которую мне собрал Элронд, но с жильем и проживанием вопрос нужно было решать. Но, как говорил Элронд, что в средневековье меч – главный хранитель и кормилец, а у меня их два, так что как-нибудь не пропаду. И я пошел в сторону города или поплыл, в общем, сложно было назвать ходьбой перемещение по такой дороге. Каждый шаг давался с трудом, ногу приходилось буквально выдергивать из размякшей глины. Я старался найти более сухую тропинку на обочине дороги, но понял, что это бесполезно. Дорога сама по себе все время уходила на более сухой участок, пока ее опять не превращали в кашу. Итоговая

ширина дороги была метров сто, но найти на ней неразбитый участок не представлялось возможным. Я шел по этой дороге и бубнил упражнения, которые мне выдавал коммуникатор.

Навстречу мне попала еще одна повозка, в которой ехал такой же крестьянин и тоже с ярмарки. На мое приветствие он поведал мне историю, которая один в один напомнила мне предыдущую встречу. Только добавилось причитание на неурожайный год, что в былые года ему хватало и на кабак, и на ярлык, а в этом году и цены поднялись, и урожая не случилось, и потому он бедный и несчастный без женской ласки вот уже пять лет. В общем, стандартное нытье, как я понял всех местных крестьян, которые не могут купить ярлык для посещения женского гарема, так как спускают все в кабаках, не дождавшись заветных дней. Как я понял из рассказов, женщины тут жили в центре города под строгой охраной, и, чтобы попасть к ним, нужно было купить или выиграть на турнире специальный ярлык, который служил пропуском в женскую часть города на праздниках плодородия, которых было четыре в году. Крестьяне со всех окрестных деревень и городов поменьше тянулись в центральный город, Эгиль, чтобы купить ярлык и пойти на женскую сторону. Ярлык стоил дорого, и крестьянину на него нужно было копить весь год, чтобы попасть один раз, и потому накопить было очень непростым делом, ну а если крестьянину повезло с урожаем, когда остальным не повезло, тогда он становился «князем на час» и покупал ярлык. Другой возможностью приобретения ярлыка были рыцарские турниры, все рыцари, прошедшие первичный раунд получали бронзовый ярлык, который позволял попасть в гарем. Если он прошел два тура соревнования, он получал серебряный ярлык, а если выигрывал турнир в любом из состязаний – золотой. Как я понял, золотой, серебряный и бронзовый позволяли войти в разные части гарема, где можно было получить разный набор услуг. Крестьяне о золотом ярлыке и не мечтали, так как это было доступно только для очень богатого сословия, и, со слов этого крестьянина, там был рай небесный и самые красивые гурии, о которых можно было только мечтать.

Поговорив с крестьянином, я направился дальше по разбитой дороге. До города оставалось часа полтора, которые я посвятил изучению языка. План был прост, добраться до города и попасть на турнир, как посоветовал мне крестьянин. Вопрос существования в данном измерении нужно было решать побыстрее, запасов еды, которые дал мне с собой Элронд, хватит еще на пару дней, а потом нужно было чем-то тут кормиться. Сколько мне тут нужно провести времени, я не знал, но понимал, что сбегать отсюда могу в любой момент и это меня успокаивало. Я хотел поучаствовать в турнире, мне хотелось применить знания, полученные от Элронда, во мне проснулся агрессивный самец, которому дали оружие, и я чувствовал себя очень необычно. У меня на спине висело два меча, равным которых не было в этом измерении, на мне был легкий доспех из эльфийской стали, который прикрывал все основные органы так, что убить меня было делом очень непростым, и я надеялся, что справлюсь на турнире и не получу серьезных травм. К тому же, у меня был сканер и коммуникатор, с которыми я мог продолжать занятия по эльфийской школе. Я был новичком в этом деле, но у меня была фора, все во мне хотело войны и сражений. Я вспоминал свою первую победу над Эльфом и хоть и понимал, что победил хитростью, от этого вкус победы был только слаще. Лендисас был соперником, которого мне не одолеть в честном бою, но кто сказал, что бой обязательно должен быть честным? Ведь честность в бою – это удел опытных мастеров, которые могут позволить быть себе честными. Ведь главное – это победа, кто бы что ни говорил...

Чем ближе я подходил к городу, тем более разбитой становилась дорога, и тем больше домов стало попадаться вокруг. Я проходил уже второе заведение, которое назвал бы таверной или придорожной гостиницей. Несколько домов стояли полукругом, с конюшней, двором и обязательной вывеской с названием. Я прошел «Золотую подкову», «Смелый меч» и уже видел город. Он начался плавно, без какой-либо черты, просто редко разбросанные дома стали частыми, выстроились в ряды, окруженные забором. Повозок и просто пешеходов, спешивших по своим делам, стало тоже намного больше. На меня никто не обращал внимания,

видимо, одинокий воин не был тут редкостью, и я спокойно шел по тому, что уже можно было назвать улицей. У дороги появилось покрытие, я не понял из чего, но дорога стала твердой и укатанной, идти стало легко. Но появилась другая беда, ВОНЬ! По краям улицы шли сточные канавы, смрад от которых стоял ужасный. Воняло так, что мне казалось, что у меня режет глаза, вот еще одно великое достижение цивилизации – это канализация. Мы перестали ценить то, что под нашими городами зарыты трубы, по которым вся эта вонь утекает и не доставляет нам неудобств. В этой части города канализацией служили канавы, по которым все отходы куда-то стекали в виде зловонных ручьев. Спустя какое-то время мне начали попадаться кварталы ремесленников, это стало понятно по магазинам, которые тут стали появляться. Вывески были простыми и лаконичными, по ним было понятно основное ремесло данной местности. Я прошел район кожевников, где вывески были «Куплю сырую кожу, продам выделанную», дальше были горшечники, где вывески были «Куплю глину, продам горшки». Каждый такой район добавлял к общему запаху помоев еще особенный запах ремесла. Вот бы сюда Элронда, он бы, наверное, умер от местных запахов, а мы вот люди ничего, живем, я даже вот принялся уже.

Я понял, что на фоне общей вони уже ловлю приятные запахи хлеба и прочей еды из харчевни. Даже смог бы тут покушать, ну нет, может не сейчас еще, но через какое-то время точно смогу. Дальше, по ходу движения, я увидел что на смену одноэтажным домам стали появляться, кирпичные двух- и даже трехэтажные строения. Видимо, я вошел в более богатую часть города, и еще увидел церкви. То, что это церкви, я сразу понял, видимо, во всех измерениях они очень похожи, отличались только навершием. Тут это были шпили, с чем-то похожим на снежинку или шестиконечную звезду. А так церковь была церковью, большая колокольня и здание, где, видимо, была молельная комната.

Впереди я увидел крепостную стену, видимо я дошел уже до центра города, за крепостной стеной был, скорее всего, тот самый гарем, о котором мне рассказывали встреченные мной крестьяне. Судя по всему, конец моего путешествия был уже совсем рядом. Дорожное покрытие опять изменилось, тут все дороги были выстланы булыжником, а канализационные стоки ушли под землю, и хоть воняло тут ничуть не меньше, чем на окраине, по крайней мере, это уже не так бросалось в глаза.

Я подошел к воротам, по краям которых стояли стражники. Стражники были в начищенных до блеска медных латах. Наручи, наколенники и шлемы блестели, как золото, видимо, все свободное от стражи время стражники шлифовали свои латы. Я подошел к ближайшему и спросил:

– Как я могу попасть на турнир?

Видимо, мой вид и вопрос соответствовали друг другу, так как стражник, улыбнувшись, спросил:

– Издалека?

– Да, я проделал немалый путь.

– Ну, хорошо, вон смотри, видишь дом? – стражник вытянул свое длинное копьё и показал назад по улице, по которой я только пришел. – Вот, дойдешь до этого дома, там будет улочка, по ней иди до следующей улицы, там увидишь здание с медным шпилем, ярким, тебе туда. Ты впервые у нас?

– Да, впервые, вот только пришел.

– Странно, доспех у тебя дорогой и мечи хорошие, но без коня.

– Да, пал конь в пути, – решил соврать я.

– А, ну тогда понятно, ну, короче, давай там, запишешься, пройдешь испытание и тогда до турнира тебе будет выделено проживание с пропитанием. Авось, может, встретимся еще, я тоже в этом году на турнир пойду.

Тут в разговор вступил второй охранник:

– Ох, и отрежут тебе яйца, Зарий, ох, и отрежут, ты же нормально ни одним оружием не владеешь.

– И ничего не отрежут, я нормально с мечом справлюсь.

Видимо это был любимый спор двух охранников. И я, поблагодарив их за подсказку пути, двинулся в направлении указанным Зарием. Пройдя через дворы, я вышел на параллельную улицу, ведущую к стене, у которой также стояло двое стражников. Через дорогу я увидел то самое здание с медным шпилем и вошел в него. В холле здания стоял огромный каменный стол, за которым сидело несколько человек. Народу, кроме меня и этих вот трех клерков, тут больше не было. Мой приход не вызвал ни малейшей эмоции, их назначение не вызывало не малейшего сомнения. Это были клерки, которые и должны были «записать» меня на турнир. Я подошел к самому близкому ко мне и спросил:

– Можно мне записаться на турнир?

– Как звать?

– Алексей.

– Грамоте обучен?

– Да.

– Хорошо, вот тебе перо и чернила, заполни формуляр, подпишись и иди в соседний зал, там пройдешь испытание.

Я взял протянутый бланк на крепкой сероватой бумаге и прочитал что-то вроде договора между городом в лице муниципалитета и мной. Я, ставя подпись в этом договоре, отдаю свою жизнь во владение города и что я, в случае смерти, согласен на погребение в общей могиле со всеми погибшими на данном турнире недалеко от города. А в случае победы, в зависимости от полученного мною ранга, я обязуюсь отработать в охране города в течение года до следующего турнира. Ну, кроме этих условий, было еще, что договор вступает в силу только после прохождения мной первичного испытания, а если я не пройду испытания, то должен отработать в течение двух месяцев в качестве снаряда для тренировки других игроков. В случае, если я на это соглашусь, то на следующем турнире буду иметь привилегированное право вхождения в турнир.

Договорчик-то был с подвохом, не так-то все просто, нужно было все-таки уточнить некоторые моменты.

– Скажите, а что такое испытание?

Чиновник взглянул на меня с нескрываемым удивлением:

– Да оно везде одинаковое, испытание, бой с привратником на деревянных мечах, если ты выстоишь его атаку на ногах, прошел испытание, не выстоишь – все, грушей станешь. А у вас разве не так что ли?

– Да также все, просто стало интересно.

Ну, хорошо, значит нужно выдержать одну атаку на деревянных мечах, это мы умеем, последние три месяца каждый день выдерживали. Я подписал договор, отдал его клерку, он внимательно посмотрел мою подпись, записал в журнал и показал рукой, куда мне идти дальше. Я прошел в дверь, вышел во внутренний коридор, за которым была арена. Около дверей стояла стража, в медных доспехах и, как только я вошел, они встали за моей спиной.

– Так, по правилам ты должен сдать металлические мечи, ты получишь их назад, если пройдешь испытание, если испытание не пройдешь, мечи конфискуются.

Стражники жадно смотрели на мои мечи, и похоже всеми фибрами души желали мне, чтобы я не прошел испытание. Я скинул перевязь и поставил мечи рядом, недалеко от себя, грозно взглянул на стражников и произнес:

– Если вы, твари, хоть пальцем до них дотронетесь, я кастрирую вас деревянным мечом самолично.

Видимо, моя угроза и уверенный вид произвели впечатление на стражников, так как они вытянулись и забормотали.

– Да ладно вам, господин, мы так просто предупредить должны.

Я взял с постамента деревянный меч, ну или точнее это была просто деревянная палка, у которой была намотана ручка из кожи. И тут из двери вышел привратник. Внутри у меня все похолодело, на арену вышел совершенно ужасного вида амбал. Два метра ростом, абсолютно лысый, с огромным пузом и с такими же огромными руками. В руке у него была самая настоящая дубина, с шипами на груди, что-то вроде кожаного лифчика, который прикрывал грудь, из-под которого висело огромное пузо. Глаза у детины были черные и, как мне показалось, абсолютно пустые, он встал, расставив ноги посередине и посмотрел на меня. Стражник, который охранял теперь дверь на выход, сказал:

– Пройдешь через него к двери, прошел испытание.

– То есть мне нужно попасть вон в ту дверь?

– Да.

Сражаться против этого самого злодея с деревянной палочкой мне казалось крайне плохой идеей, но делать было нечего. Я решил поиграть в самурая или в Дункана Маклауда, прижал деревяшку вертикально к правому плечу и грозно пошел в сторону детины. Он без тени эмоций ждал меня, все также стоя посередине. Я поднял меч и с грозным криком «Ура!» побежал на него. Детина начал поднимать дубину, явно намереваясь обрушить ее на меня со всей своей, как я понял, могучей силой. Но попадать под дубину у меня не было ни малейшего желания, мне было сказано пройти в дверь, значит, нужно было пройти в дверь. Когда я был в метре от детины я бросил свой меч чуть выше его головы и ласточкой нырнул у него между ног, оказавшись за его спиной. Перекувырнувшись через голову, я встал на ноги и открыл дверь, в которую мне нужно было войти, чтобы пройти испытание. Я открыл дверь и вошел в комнату. За моей спиной раздался рев детины, который понял, что его обманули. Я обернулся и увидел, как стражники, согнувшись пополам, откровенно ржали над происходящим. Видимо, мой прием их также рассмешил, как и разозлил детину, который, развернувшись ко мне лицом стоял, явно обиженный происходящим, пытаюсь сообразить, что же произошло на самом деле. Один из стражников, взяв мои мечи, пошел навстречу мне, улыбаясь во все лицо. Подойдя ко мне вплотную, он весело сказал:

– Так Гектора, как ты, еще никто не проходил, бывало, его и клали, и били, и роняли, но чтобы вот так просто между ног его, пожалуй, ты первый. На вот, держи свои мечи, испытание ты прошел, там.

Он указал головой в комнату, на пороге которой я стоял.

– Тебя поставят на довольствие и определят в казарму, сегодня у тебя свободный день, а завтра тренировки с утра.

Я повесил мечи на спину и прошел внутрь помещения, в конце которого меня ждал пожилой мужчина с перевязанной черной повязкой глазом. Протянув руку мне на встречу, он поздоровался:

– Меня зовут Хилт, я сотник! Давненько к нам не приходило новобранцев на турнир, рад тебя видеть, надеюсь, станем друзьями. Я тут отвечаю за бытовые вопросы, пожарить, постираться, где это все – ко мне, я тебе покажу-расскажу. Тебе мыться нужно?

– Да, не помешало бы с дороги.

– Ну, хорошо, сегодня баня будет топиться через два часа, приходи, попаришься, сейчас пойдем, покажу казарму.

Хилт проводил меня по тренировочному центру и все показал и рассказал. В целом казарма, как казарма, все было просто и без изысков. На турнир мог попасть любой мужчина старше шестнадцати лет, пройдя испытание. Дальше начинались тренировки. Турнир был главным развлечением в этом мире, и у каждого города была своя команда. Три турнира, осен-

ний, зимний и весенний, были внутригородскими, ну или скорей районными, когда турнирная команда сражалась сама с собой по жребью или с прибывшей командой из ближайшего города, в котором не было гарема, а один летний турнир (большой) раз в году проходил между крупными городами. Через две недели как раз был осенний турнир. Победители городских турниров отправлялись на летний турнир в столицу, где происходило самое грандиозное сражение. Ставки в турнирах были одинаковыми: это допуск в гарем, ну и денежное вознаграждение. Если команда города на большом турнире побеждала, то все побежденные города должны были перевести по три девственницы в гарем города-победителя. Ну а победители команды имели право первой ночи с этими самыми девственницами. Правда, конечно, успеть за трое суток доступа в гарем овладеть всеми они не могли, да и не все возвращались живыми и некалеченными с этих самых турниров, но это было очень почетно. Город, в который я прибыл, назывался Трибстан, и он уже десять лет не одерживал побед, что сильно расстраивало местную элиту, и, чтобы привлечь новых сильных бойцов, они поднимали ставки на внутренних соревнованиях. Мое прибытие в этот город как раз и воспринималось как следствие поднятия данных ставок.

– Но наши отцы городские все равно жмоты, то ли дело в команде столицы, там по десять золотых содержание и вина после турнира скок хошь пей, но там, правда, и привратника так просто, как нашего Гектора не пройдешь. Он-то, конечно, сильный у нас, но тупой как пробка, кроме как дубиной верх-вниз махать-то и не умеет ничего. Но правда крестьян отпугивает, груши из них исправно делает, – рассказывал Хит. – Так-то у нас хорошая команда, и элита тоже ничего, в прошлом году так-то до финальных схваток-то дошли, но дальше сил не хватило, в мечях и копьях-то мы еще продержались, а вот с конным видом как-то не сложилось. Но в следующем году у нас Лансер в этой дисциплине выступать будет, сын воеводы, так он очень перспективный.

Тут Хилт посмотрел на меня и сказал:

– Ты-то, как я понял, мечник, это хорошо, дополнишь команду, и жить я тогда тебя к ним определяю. Вот тут живут лучники, вот тут копейщики, вот тут мечники. Рыцари все из богатого сословия, живут у себя в домах и тренируются тоже в другом месте. Хотя рыцарь обязан владеть и мечом, и копьем, и луком, и потому приходят сюда на тренировки время от времени. Наш воевода, он лучшим из рыцарей был, в прошлом году плечо поранил, в этом году Богу душу отдаст скорей всего, но пока что держится молодцом. Но не жилец он, вот молодой Липин, похоже, скоро займет его место. Наверняка вызовет его на дуэль на следующем турнире, а одолеть Мазура сейчас совсем просто, не успеет он выкарабкаться до турнира. Ему бы, конечно, самое удачное самому помереть.

День оказался утомительным, сначала сражение с эльфом, потом длинный путь по разбитой дороге, и, наконец, схватка с громадным детиной, от которого я славно убежал. Пожалуй, отдохнуть было очень нужно и принять баню, которую Хилт обещал через два часа тоже было идеей замечательной. Мы зашли в казарму, в которой никого не было, и Хилт сказал:

– Вот твоя кровать будет, вот тебе место для твоих вещей и оружия. Ты не бойся, тут не воруют ничего, воровать у братьев по оружию у нас считается самым страшным грехом, я надеюсь, что в том месте, откуда ты родом, такая же традиция! С твоей команды ребята все хорошие, вас тут будет восемь человек, так что места у вас тут будет много, если больше новичков не придет.

Я выбрал себе кровать поближе к окошку и решил поваляться до бани. И решил уточнить несколько моментов:

– Хилт, а жрать во сколько тут будем?

– А вот после бани и будут жрать, ребята тебя проводят, ты пока отдыхай, ребята с тренировки придут тебя разбудят.

Я не стал себя упрашивать, скинул мечи и аккуратно повесил перевязь на край кровати, в специально отведенном месте, потом расшнуровал доспех и тоже все разложил. Хилт увидел мой доспех в разобранном виде и присвистнул:

– Фига се, а ты не так прост, как кажешься на первый взгляд, доспех-то у тебя дворянский, дорогой, стырил где, или твой?

– В бою выиграл.

– Фига се, – присвистнул Хилт и посмотрел на меня с уважением.

– Так может тебе не к мечникам, а в рыцари?

– Ну, как Бог даст, может и в рыцари.

– Ну ладно, покажешь себя в тренировках, а там посмотрим, что к чему.

Хилт вышел из казармы, а я завалился на кровать, которая оказалась удивительно жесткой, так как это были обычные доски с небольшим матрасом, но сейчас мне это не мешало, и я отрубился. Проснулся я от невежливого похлопывания меня по щеке. Открыв глаза, я увидел достаточно рослого смуглого парня, который ножнами моего меча бесцеремонно тыкал мне в щеку. Моим мечом мне в щеку. Мне понадобилось три секунды, чтобы понять, что к чему, и то, что мой доспех и мои мечи действительно принадлежат мне, похоже, мне тоже предстояло доказать, так как все мои доспехи были разобраны по рукам и с наглой ухмылкой изучались ребятами. Видимо, единственное право, которое действовало в этом мире, было «право сильного». Один из моих мечей продолжал висеть в том месте, где я его оставил, а второй меч был в руках у смугляшки, который как раз занимался тем, что пытался снять оба меча с изголовья кровати и тыкал меня одним из них в щеку. Я решил, что, видимо, мне нужно быть резким и шустрым, перед моим лицом был пах этого самого юноши, и я со всей силы вдарил по нему кулаком. Эффект это возымело мгновенный, смугляшка отлетел от моей кровати держась за причиндалы и тихо завывая. Я быстро вытащил оба меча из ножен и вскочил на ноги с криком:

– Ну-ка, быстро мои вещи положили туда, где их взяли, или я сейчас начну вас кастрировать одного за другим!

Я стоял в зеленом комбинезоне, который не стал снимать, с мечами в обеих руках, может я выглядел и комично, но, видимо, мой взгляд говорил о многом, и потому ребята один за другим начали подходить и класть на мою кровать детали моей амуниции. Когда последнюю деталь положили, я положил мечи на кровать, повернувшись, мило улыбнулся и сказал:

– Будем знакомы меня зовут Алексей.

– Ну, что ты так прямо грубо, – проскулил смугляшка.

– Ну, ты извини, просто как-то с детства не люблю, когда без спросу берут мои вещи.

– Да мы так просто, посмотреть диковинку, мы бы вернули.

– Простите, если вдруг обидел чем, просто как-то не разобрался спросонья.

– Ладно, проехали, будем знакомы, меня зовут Харт, – произнес смугляшка, распрямившись. – Ты чуть не лишил меня желания посещать гарем.

Юмор – это хорошо, значит, все-таки, уживемся. Я познакомился с ребятами, удивительное совпадение, но имена их всех начинались на звук «Х»: Хвант, Хамит, Хамлет, Хумас, Хибарт, Хаббит и Харт. Как я понял, именно на букву «Х» давали имена всем, кто с детства был склонен к владению мечом, это была традиция данного города. Лучникам давали имена на «С», копейщики на «Ц». А вот у рыцарей были имена на любую букву, так как они во время посвящения были вправе сами выбрать себе имя. Да и рыцарь тут был не по рождению, а по заслугам. По сути, рыцарь – это многоборец, который в совершенстве владел как минимум одним видом оружия и, плюс, был удачлив, потому как копейные рыцарские турниры в моем понимании были скорей наудачу, нежели чем каким-то научным действием. Хотя может я и ошибался. Для того, чтобы стать рыцарем, нужно было сначала победить в турнире городов в своей дисциплине и тогда кандидат получал право на следующий год пройти испытательное

состязание, и в случае, если выходил живым из этого состязания, получал рыцаря и довольствие от города с возможностью тренировки.

Ребята-мечники оказались очень хорошими, хотя мое подозрение о праве сильного все-таки было оправданным. Но, дав отпор и показав характер, я сразу же добился определенного уважения и занял свое место среди ребят. Мы сходили в баню, ну или то, что тут называли баней. Баня представляла собой закрытое помещение, в центре которого был чан с горячей водой. Он был три метра в диаметре, а высотой полтора метра. Под чаном была печь, которая топилась из подвального помещения, вода нагревалась, и в помещении было мокро и жарко. Ребята сходу забрались в кипяток и начали мыться прямо в чане, я, чтобы не отставать от них, также забрался в чан и тоже мылся.

– Вот, Лех, тут у нас по-простому, но, в целом, от блох и вшей можно спастись. Знал бы ты, какая баня в золотом гареме, ух! Вот выиграю турнир, все три дня там проведу, рассказывал мне Харт, обдирая свою кожу жесткой мочалкой. Харт был, похоже, самым чистоплотным из всех, он тщательно натирался, то и дело ополаскиваясь водой.

– Вот трет-то, все отбелиться мечтает! – сказал мне тихонько Хвант.

– Как это?

– Да у него батя, видать, из черных, он очень этого стесняется, от солнца всегда прячется и вот драит себя до крови, боится, что в рыцари его не пустят, черных-то к золоту не пускают.

Ага, то есть в этом измерении была расовая дискриминация и чернокожие народы. Ну, слава Богу, что Элронд отправил меня к белым, и я тут был за своего, хотя, как я понял по акценту, я все-таки был иностранцем, так как местные ребята быстро перестали делать попытки выговаривать мое имя и стали звать меня просто Нем, сокращенное от немца, то есть безъязыковый.

Глава 3. Турнир

Утро в казарме – нечто особенное, такого я еще в своей жизни не испытывал. Я проснулся за секунду до пробуждения и услышал трели семи носов, которые дружно храпели в разных тональностях. Запах мужского пота и не очень чистой одежды с утра очень хорошо чувствовался. И тут зазвучал горн, пробуждение. Встать не хотелось, но сильно мучал голод, который преследовал со вчера. На ужин после бани была перловая или очень похожая на нее каша, которую я съесть не смог. Мое сознание начисто отказывалось от признания того, что вот эти белые комочки – это еда, и требовало что-то другое. Хотя вот сейчас, утром, я уже думал, что перловка – это не самая плохая еда, и сейчас бы от нее уже и не отказался.

Я встал с кровати и начал разминаться, так как тело мое за последние три месяца успело привыкнуть к кровати в эльфийском доме и сильно сопротивлялось сну на спартанской кровати в казарме. За ночь оно затекло и измучилось. Сейчас нужно было как-то восстановиться, чем я и занимался. Постепенно в казарме все просыпались и, как и я, начинали разминку отлежалых конечностей. Проснувшись и умывшись из общего ведра с теплой водой, мы пошли на завтрак. Он был намного лучше, чем ужин, большой ломоть копченой ветчины с большим ломтем хлеба и большая кружка травяного отвара. Мясо было вкусным, но очень жестким, а хлеб вкусным и свежим, а травяной отвар, как я понял, служил здесь заменой кофе или чаю, достаточно душистый по запаху, но пресный на вкус, однако в качестве заправки мяса и хлеба пошел хорошо. Мы позавтракали с ребятами и пошли на тренировочную арену, где, разбившись по парам, начали отрабатывать друг с другом приемы. Это был совсем другой вид тренировки, нежели мои занятия с Элрондом. Там я получал по полной программе, а потом Элронд объяснял мне, как и почему я проиграл. После этого в течение двух-трех часов я упражнялся самостоятельно, пытаюсь повторить показанные Элрондом движения. С ребятами тренировка строилась совсем по-другому, мы договаривались по отработке приема и поочередно нападали друг на друга, отрабатывая один и тот же прием в течение многих часов, добиваясь того, чтобы он залег в мышечную память. Набор приемов, которые использовали мечники, был достаточно небольшим, но эффективным в большинстве поединков. Моим спарринг-партнером стал мой старый друг, смугляшка Харт. И мы до обеда с ним тренировали обычный простой выпад с отходом назад и парирование удара. Причем Харт был с деревянным мечом и щитом, а я взял два деревянных меча, так как менять технику не считал нужным. В таких тренировках явно был смысл, но это было скучно. Хотя время до обеда прошло достаточно быстро. После обеда, как сказал Харт, должны были приехать рыцари и мы должны были готовиться к поединкам с ними. На завтра, после обеда, планировалась тренировка с непрошедшими привратника, которых, как я понял, было около десяти человек.

На обед был гороховый суп или гороховая каша. После обильных тренировок еда мне уже казалась божественно вкусной, и я наложил себе огромную глиняную тарелку и взял два огромных куса хлеба. В тот момент, когда я орудовал деревянной ложкой, что веслом, Харт больно ткнул меня в бок и показал пальцем на вход в арену.

– Вот и рыцари пожаловали. Вон Мазур, наш главный городской рыцарь, воевода. Вон Липин, вот с ним не дай Бог в спарринг попасть, он безжалостен.

На турнир входили мужчины в шикарных доспехах, украшенных перьями и росписью. Выглядели они красиво. Мой доспех, снаружи кожаный, внутри металлический, смотрелся совсем серо и неказисто по сравнению с этими шикарными доспехами. Хоть я бы свою жизнь доверил эльфийскому доспеху гораздо легче, чем этой вот красоте.

– Вот, Нем, сейчас после обеда будет настоящая тренировка.

Всего рыцарей было шесть человек, из которых один был не сильно дееспособным, но, судя по всему, тренировка с ними была задачей не простой. Ко мне подошел сотник Хилт и сказал:

– Сражение с рыцарями, если тебя выберет жребий, в полную силу, но мечи замотать жгутом, у рыцарей тоже мечи будут замотаны, а то до турнира у нас бойцов совсем не останется.

Жгут – это порезанная на тонкие полоски выделанная кожа, которую мне выдал Хилт, и я сел заматывать мечи этим самым жгутом. Вот только идея эта была не очень хорошей, сталь эльфийского клинка была слишком качественной, и от удара о любой предмет этот жгут просто разлетелся бы на куски. А тупить клинки я не стал бы ни за что. Уж лучше бы на деревянных мечах. Видимо, придётся бить плашмя, чтобы не порубить знатных рыцарей в капусту. Мы встали в ряд, и рыцари кинули жребий, кто с кем сегодня будет сражаться, и, как я понял, сегодня я был счастливым игроком, так как мне выпал Мазур, а вот Харту выпал Липин. Я встал в стойку напротив Мазура, он встал напротив меня, выглядел он неважно, точнее сказать, отвратительно выглядел. У него явно была температура, так как он весь блестел от пота, и меч в руке он держал с большим трудом. Улыбнувшись мне, он спросил:

– Как тебя зовут, чужестранец?

– Алексей, но тут меня все зовут Нем.

– Я плохой нынче воин, Алексей, – он произнес мое имя точно, что было удивительно. – Ты же ведь не старишь позорить старого рыцаря?

– Нет, конечно, может быть, я могу вам помочь?

– А чем ты можешь мне помочь?

– В нашем городе я учился на лекаря, перед тем как решил податься в мечники, ибо учиться долго, а женского тела хочется сейчас больше.

– Ну, да, – улыбнулся Мазур. – Это я понимаю. Но не думаю, что ты в силах ухаживать меня лучше, чем лекари нашего города.

– Ну, я знаю несколько лекарств, которые, я уверен, точно не знают в вашем городе.

Мой план был прост и элегантен. У меня был сканер, который знал и умел синтезировать антибиотики, а это то, что было нужно сейчас Мазуру. Ну еще и обработка раны.

– Ну, хорошо, Алексей, если ты действительно можешь мне помочь, то прошу тебя сегодня прийти ко мне на ужин, но если у тебя не выйдет, я тебя накажу строго, отработаешь неделю до турнира в качестве куклы.

– Я уверен в своих силах, Мазур.

Дальше мы помахали мечами, я старался не позорить рыцаря, а он изо всех сил старался показать, что еще полон сил. Моему другу Харту повезло существенно меньше, Липин отделал Харта до кровавых синяков на лице и теле. Он сидел на лавке, на краю арены, закрыв глаза, а Липин гордо удалялся с арены. Ух, решил я про себя, удалю тебя обязательно! Закончив тренировку, я решил, что Мазур накормит меня обедом, и я двинулся в его дом. Как я понял, он предупредил стражников о моем выходе из арены, и меня спокойно пропустили и милостиво указали дорогу. По дороге я подобрал более-менее чистый кусок глины возле дороги.

Дом Мазура был, видимо, самым роскошным по местным меркам, это был кирпичный дом с высоким шпилем прямо рядом с местной церковью. Как только я вошел на порог дома, в нос мне ударил запах больного человека. Это такой странный запах, я его очень хорошо запомнил, эта смесь запаха пота с лекарствами, и еще какой-то сладковато приторный запах. Этот запах пропитал дом Мазура, он был повсюду, и мое сердце сжалось. В прихожей валялись доспехи, видно было, что их снимали на ходу, бросая по пути, и части одежды. Я пошел по этому следу и дошел до спальни. Спальня представляла собой большой зал, посередине которого была огромная деревянная кровать, застеленная шкурами, посередине лежал сам Мазур. Он лежал лицом вниз и так и не смог раздеться. На правой ноге у него еще висели части доспехов, а правая нога была освобождена. Верхняя часть плеча была замотана грязной тряпкой,

от которой шла достаточно сильная вонь. Видимо, рана уже вовсю гноилась. По состоянию развития медицины в этом мире, Мазур был обречен. Даже при помощи сканера вылечить его уже будет крайне непросто. Я подошел к Мазуру, снял доспех с его ноги и подштанники, перевернул его на спину. Он горел, и горел сильно. Жар, исходивший от могучего тела, буквально обжигал. Тело рыцаря было действительно могучим, я, по сравнению с ним, был доходягой, и столкнуться с ним в прямом поединке для меня могло бы оказаться фатальным. И эта могучая скала сейчас превращалась в студень. Еще пара дней, и все эти могущество и выправка будут заколочены в деревянный ящик и опущены в землю на съеденье червякам, и виной этому поражению, была небольшая рана на плече, буквально царапина! Вовремя не обработанная из-за своей кажущейся незначительности, теперь она отправляла могучего рыцаря на тот свет, и возможности спасения в этом мире у него не было. Рана загнила, и это было плохо. Я снял защитный манжет на сканере и приложил диагностирующими усиками к телу Мазура. Через минуту сканирования на коммуникаторе замигал желтый маячок с предупреждением о необходимости и срочной госпитализации. Да, то, что Мазура необходимо срочно отправить в больницу, не вызывало сомнения, но где взять больницу в мире средневековых рыцарей? Ну, не тащить же мне его через измерения в Родное? Слава Богу, медицинская программа в своей части протокола имела такой пункт, как первая помощь при невозможности эвакуации, вот только мне предстояло провести рядом с Мазуром не менее четырех-пяти часов, держа сканер на его плече, именно столько времени требовалось сканеру, чтобы сгенерировать необходимые антибиотики и иммуномодуляторы в крови Мазура. Правда, шанс на положительный исход был всего двадцать пять процентов, потому коммуникатор продолжал сигнализировать о необходимости вызова автономного модуля для госпитализации больного. Еще одним требованием медицинской программы было удаление гноя и обработка раны дезинфицирующими средствами, но как, из чего это можно было сделать, нужно было еще придумать. Самым простым дезинфектором, который тут можно было найти, был алкоголь. Алкоголя в доме Мазура должно было быть много, и еще нужно найти более-менее чистую ткань. Видимо, всю прислугу Мазур отпустил, так как уже и не надеялся выкарабкаться, и не хотел, чтобы кто-то видел его таким. Сколько же сил ему потребовалось, чтобы сегодня вот, не потеряв лица, дойти до арены и встать со мной в спарринг. Это был великий воин, я восхищался его силой!

Я пошел по пустым комнатам роскошного дома Мазура и достаточно быстро нашел все необходимое, винный погреб, где по этикеткам быстро разобрался с показателем крепости и выбрал самое крепкое. Далее я нашел прачечную, где висели на веревках чистые по местным меркам вещи. Выбрав наиболее чистую, я мечом порезал ее на ленты и вернулся в комнату. Смочив вином рану, я аккуратно начал ее очищать от гноя и застывших корок. Мазур застонал, видимо, даже сквозь сон он чувствовал боль от этой раны. Но хорошо, что он все-таки без сознания, не придется объяснять, что же это такое у меня на руке, и можно сохранить свое инкогнито. Обработав рану, как сумел, я положил на нее компресс, смоченный вином, и прижал руку со сканером к плечу Мазура рядом с раной. На коммуникаторе опять выскочило предупреждение о необходимости срочной госпитализации, и я опять ответил, что такой возможности нет, и что нужно оказывать первую помощь. Я прямо представил себе доктора, который развел руки и говорит:

– Ну, я предупреждал, сделаю все, что в моих силах, но, чтобы спасти этого человека его нужно отвезти в больницу!

Сканер начал генерить действующие вещества и впрыскивать их в Мазура. Я переставлял руку со сканером вокруг раны и ждал в течение двадцати минут, пока он сгенерит все необходимое. Время от времени мне требовалось сменить компресс на самой ране, так как вещества гнали гной и кровь, рана начала кровоточить. Нужно было удалять лишнее новым компрессом. В конце обработки сканер начал выделять ускоряющие заживление вещества, которые должны были способствовать ускорению заживления раны. Что порадовало меня, когда процент веро-

ятности выздоровления Мазура стал равен двадцати шести. То есть, сканер все-таки делал свою работу, и это было круто. Подарки из Техно были крайне полезными приспособлениями.

После обработки раны сканеру требовался доступ к вене больного, причем, по его расчету на четыре часа и желательно без движения, дабы не повредить вену. Я взял ремень с перемычки своего меча и привязал свое запястье к запястью Мазура и лег рядом так, чтобы наши руки лежали свободно. Коммуникатор сообщил мне, что сон пациента продлится шесть часов и что мне тоже рекомендован сон в этом периоде, я дал добро, чтобы сканер и в мою кровь сгенерил немного седативного препарата. Я очень надеялся, что в комнату Мазура никто не войдет, и не застанет меня с воеводой в такой вот странной позе. Объяснить, что я тут делаю, я вряд ли смогу, и, возможно меня могут сжечь тут, как ведьму, или подобрать еще какую-то более жестокую кару. С этими мыслями я и заснул, предварительно дав команду коммуникатору разбудить меня через четыре часа.

Проснулся я в полной темноте, на дворе была ночь, в комнате была полная темень. Да, электричество – это великое изобретение человечества, но тут до него еще не доросли. Я проверил показания сканера, шансы на излечение Мазура порадовали, было уже сорок процентов. Был новый отчет о сканировании, с припиской, что у пациента очень сильный собственный иммунитет и что шансы на его выздоровления растут с каждым часом, но что ему все равно рекомендовано попасть в стационар. Моя рука затекла, я не чувствовал пальцев на левой руке. Сканеру не требовалось больше доступа к вене Мазура, и потому я развязал ремень и начал разминать кисть, восстанавливая кровообращение. Волна из тысячи иголок пронзила кисть руки, и через две-три минуты я начал опять чувствовать пальцы. Итак, сорок процентов – это хорошо, так, глядишь, я и подниму эту скалу из могилы. Вот что, наверное, чувствуют врачи, когда их пациенты выздоравливают. Я чувствовал, что уже почти выиграл сражение у самой старушки смерти. Она стояла такая уже у кровати Мазура, положив свою костлявую руку ему на лоб, и говорила ему:

– Собирайся, Мазур, пойдёмсо мной.

А тут я взял его и вытащил, и вот она уже стоит в дверях и недоуменно смотрит на меня пустыми глазницами и спрашивает:

– Какого фи́га, он же был мой?

Может я, конечно, забегаю вперед, все-таки сорок процентов это не сто, и шанс того, что он все же сдохнет, еще был очень высоким. Но я верил в природную силу рыцаря и в очень развитый иммунитет. Все-таки, дожить в этом средневековом мире до тридцати лет – это уже показатель недюжего здоровья и удачи, когда любая незначительная царапина может довести тебя вот так вот до могилы.

У меня была проблема, вино, которое я взял, уже кончилось, а коммуникатор говорил, что нужна обработка раны и наложение чистой повязки. Но я ничего не видел в этой темноте. Покопавшись в коммуникаторе, я нашел функцию ночного видения, прочитав описание, как оно работает, я еще раз восхитился технологиям мира Техно. Коммуникатор считывал картинку, которую ловил глазной нерв, обрабатывал ее и усиливал передачу в мозг обработанного сигнала. Я включил ночное видение, и мой правый глаз стал видеть все как в сумерках. Коммуникатор был подключен только к правому глазу, и потому только один глаз видел ночью. Но этого было вполне достаточно, я чувствовал себя как филин, который закрыл один глаз. Я встал с кровати и понял, что кроме обработки раны пациента и его лечения меня ждет еще несколько неприятных вещей. Мазура нужно было помыть, и сменить постель. Да и самому мне тоже не мешало бы помыться и что-нибудь перекусить. Я сходил за вином, и обработал рану, как меня просил коммуникатор. Все остальное я решил сделать чуть позже, и пошел на кухню, где решил найти что-то перекусить. Я нашел твердый, как камень, сыр и хлеб чуть помягче, но тоже видимо не сильно свежий. Эльфийский меч прекрасно подходил для того, чтобы резать твердый хлеб и сыр достаточно тонкими ломтями. И, открыв бутылку вина для

себя, я сел на стул и стал кушать. Оказалось, вино с хлебом и сыром – это вкусно. Глиняная бутылка с вином – это конечно не изысканные бутылочки в Техно, но содержимое в ней было вполне себе достойным по вкусу напитком. Я, видимо, стану ценителем вина со временем, так как я стал чувствовать его вкус и разбираться в оттенках виноградного вкуса. Вот сейчас я прямо чувствовал что-то похожее на смесь вишни и чернослива, и терпкость. Во рту это сочетание хлеба, сыра и вина давали прямо-таки насыщенный вкус, который мне доставлял удовольствие. Хотя никогда раньше я не был любителем сыра и вина, впервые поняв вкус и сочетание в Техно, видимо теперь я становился фанатом этой комбинации.

Перекусив, я вернулся в комнату, нужно было что-то решать, либо мыть Мазура, либо дождаться его пробуждения и все-таки надеяться, что он сможет все сделать сам. До пробуждения Мазура, по мнению коммуникатора, оставалось двадцать минут, которые я решил использовать и растопить печь под чаном с водой, в котором, как я понял, и моются представители знати в этом мире. Развести огонь в печи оказалось непростой задачей, так как спичек и зажигалок тут изобретено не было, и коммуникатор мне тоже ничем помочь не мог. К сожалению функции выпуска из глаз лазерных лучей у меня не было, поэтому разводить огонь нужно было при помощи огнива, в печи, в специальном углублении для этого. Над дверкой лежало все, для этого необходимое. Кусок кремня на ручке, стальной лист и кусочки хорошо просушенного дерева. Положив дерево в углубление, я черкнул кресалом и достаточно быстро смог разжечь огонек. Хорошо, когда все под рукой и рядом. Тем временем, первые проблески света начали пробиваться в окна. В окнах дома были настоящие стекла, как я понял, стекло тут было тоже признаком достатка, так как в большей части домов окон или не было вообще, или они были затянuty какой-то пленкой, скорее всего животного происхождения. Я отключил опцию ночного зрения, так как уже мог видеть и своими глазами и пошел в комнату к Мазуру.

Я подошел, потрогал его лоб и приложил сканер к плечу. Сканер выдал, что вероятность полного выздоровления уже сорок пять процентов, и добавил еще, что прямая угроза жизни пациента устранена. То есть он будет жить. Все, старуха с косой ушла из комнаты и стоит уже у входа в дом, грустно свесив голову на плечах. Хотя, наверное, она думает, ха-ха-ха, все равно я вернусь, не сейчас, так через год, не через год, так через десять лет. Вот чего-чего, а ждать смерть умеет.

Мазур открыл глаза и увидел меня, сознание возвращалось к нему медленно. В глазах читалось недоумение. Я закрыл сканер, чтобы не смущать пациента и сказал:

– Приветствую тебя, рыцарь, если помнишь, меня звать Алексей, ты вчера пригласил меня в свой дом, и я тебя лечил этой ночью. По-моему, мое лечение не прошло даром, и ты пошел на поправку.

– Алексей?! События последних дней у меня как в тумане, ты прости меня за мой вид и мое положение. Я помню тебя, ты вчера был на арене.

– Да, Мазур это так.

Мазур потрогал плечо и поморщился.

– Чертова царапина, не придавал ей значения, вроде раны и посерьезнее проходили, но видимо «мухи смерти» меня догнали, а я и не заметил.

Мухами смерти называли обычных мух. Все-таки, хоть медицина в этом измерении была на нуле, понимание того, что мухи служат источником распространения инфекции, тут было. И раны все-таки закрывали и обрабатывали. Но как это всегда бывает у молодых и сильных мужчин, что они часто не придают значения царапинам, а вот царапины могут порядочно навредить организму, на котором они появляются, и вполне могут довести здорового и взрослого мужчину до могилы в мире, где не знают, что такое антибиотики.

– Я хочу жрать, Алексей! Я нормально не ел несколько дней, прислуга моя вся распущена утром придет Сафий проверить, жив я или нет. Скажи есть там, что пожрать?

– Да, я вот хлеба с сыром поел, там еще есть.

– Ну, отлично, помоги мне встать.

Я помог встать Мазуру и проводил его до ванной комнаты, ну или как назвать место с бочкой, под которой печка. Банная или помывочная. Он с радостью обнаружил, что вода чуть теплая, и сразу же залез в нее.

– Вот Сафий то удивится, мы с ним вчера порешали уже как меня хоронить, а я вон сегодня уже живой и здоровый.

– Ну, я бы не торопился на вашем месте себя здоровым называть. То, что сбили жар, и остановили процесс гниения, еще не делает вас здоровым, вам еще неделю нужно в себя приходиться.

– ВЗДОР! Ты великий лекарь, и я чувствую, что ты отогнал смерть, сегодня я еще дам себе отдыху, а завтра нужно уже делами города заниматься. Этот юнец Липин только и ждет, чтобы занять мое место! Он крепок телом, но глуп головой, загонит город в голод, как пить дать, загонит.

Такой яростный ответ меня взбесил, но я решил не спорить с воеводой, в конце концов, это его здоровье и его жизнь. Да и я на самом деле не лекарь и становиться тут врачом не собирался.

– А почему ты стал мечником, а не лекарем? У тебя ведь явно дар к исцелению, поднять меня за ночь, это ведь не каждый сумеет.

Мазур мылся в корыте и смотрел на меня открытым взглядом, врать ему было тяжело, ему было не больше тридцать лет, и в Родном он был бы молодым еще человеком. Но тут, в этом мире, он был уже умудренным жизненным опытом старцем. Может быть, у него не было знаний в той мере, в которой они были у меня, но у него был опыт управления средневековым городом, и нужно было очень осторожно ему врать, так как был шанс попасться.

– Да не очень-то я люблю это, так сложилось, что обучился этому ремеслу, но особенно у меня шансов-то и не было в гарем-то попасть на нем. Вот я и подался на турнир, но решил пойти туда, где меня не знают. Да я и не лечил, считай, тебя, ты сам здоров как бык, я просто обработал рану и напоил тебя отваром из трав. Вот и все. А дальше твой организм все сам сделал.

Мазур внимательно рассматривал свое запястье, на котором оставались следы от ремня и следы уколов, но вслух он сказал:

– Ох, и не прост ты, Алексей, как кажешься, ох и не прост! Нутром чую, врешь ты мне от начала до конца, но опасности в тебе нет для меня, поэтому ты будешь моим союзником, я в этом уверен. Ладно, помоги мне выбраться из купели!

Я помог Мазуру выбраться из корыта, и он пошел в прачечную, но увидев там разрезанную мной белую рубашку, он взвыл.

– Мою турнирную рубашку на полосы порвал? Да как же ты мог?!

– Да она была самой чистой на вид из всего, что я нашел, а мне нужны были бинты и желательны чистые. Ты уж извини.

– Да, неприятно, придется заказывать новую рубаху, не могу же я в этом, – он махнул рукой на висащие рубахи. – Идти на турнир, ну да ладно, невелика потеря. Просто эта была моей любимой.

Мазур одел новую рубаху и кожаные штаны, из самых чистых, как я понял, и отправился в столовую, где лежал нарезанный мною сыр и хлеб. Собрав бутерброд, он начал жевать.

– Силы возвращаются ко мне, я думаю, ты прав, что пару дней мне нужно на восстановление, но, думаю, не больше. До турнира осталось девять дней и столько дел незаконченных, что отдыхать некогда. Но думаю, что до магистрата я не буду еще пару дней ходить, все встречи в доме проведу, Сафий все организует! Вот только завтра у меня тренировка положена, на арене, ты меня выручишь?

– Как?

– Я опять тебя вызову как соперника, ты меня прикроешь, я не хочу показывать Липину, что выздоравливаю, тогда у меня будет шанс против него на Турнире.

– Хорошо.

– Да, тебе, кстати, нужно вернуться, иначе будут считать тебя дезертиром. Сегодня у вас там тренировка на «грушах».

Тренировка на «Грушах» была достаточно интересной частью тренировки. Для Крестьян, которые хотели попасть на арену, это был серьезный шанс, чтобы пробиться по социальной лестнице и в «груши» они шли добровольно. Было два типа груш, те, кто пошел через привратника, и те, кто пошел сразу в груши. Разница между ними была в том, что первые смогли накопить денег хоть на какую-то амуницию и оружие, и, если бы немного везения или мастерства они бы смогли бы тренироваться, как и я. У вторых не было ничего кроме желания прорваться на арену и завоевать хотя бы бронзовый ярлык. Первых город брал на довольствие, вторые приходили сами на тренировку и сами лезли в драку. Такие тренировки были достаточно частыми, и строились по системе очков. Если Крестьянину везло, и он мог набрать нужное число очков, он имел шанс стать мечником, или копейщиком, или даже лучником. Но сделать это было очень и очень непросто. Поединки мечников были крайне простыми, по очереди мы выходили на арену против «Груши» вооруженные деревянными мечами и щитами. Я от щита отказался и работал с двумя мечами, так как данная техника давала мне преимущество и отказываться от нее даже на тренировках я не хотел. Далее был спарринг, до пяти поражений. Поражением считался удар мечом по голове или по груди, или выбитое из рук оружие. Число очков отмечалось флажками, за поединками следил Хилт и ставил флажки, синие за мечников, красные за груш.

На арене было достаточно много зрителей, крестьяне, которые, видимо, хотели стать «Грушами», но все еще не решались на это действие. Моим первым противником был рослый светловолосый парень, достаточно сильный и ловкий. Он встал в стойку и уверенно поднял меч, пошел на меня в наступление, я легко отбил его атаку, и, оказавшись у него за спиной, хлопнул его по спине деревянным мечом. Парень развернулся и с уверенностью слона пошел на меня вновь. Мне было его немного жалко, у парня были задатки, но против опытного соперника у него не было ни малейшего шанса. Мой опыт был не очень уж и большим, но все-таки такой учитель, как Элронд, давал мне фору даже против рыцарей, не то что против необученного деревенского парня. Он шел на меня с упорством танка и получал от меня по спине мечом, я даже не дал ему возможности ни разу взмахнуть своим. Когда счет стал четыре-ноль в мою пользу я решил все-таки дать ему небольшой шанс и решил помахать с ним деревянными мечами. Я специально ударил по выставленному им щитом, как будто я не предвидел блока, и, сделав шаг назад, выставил вверх меч, парируя его удар. Парень вложил в удар всю силу и мощь, которая в нем была и, если бы я встретил его удар плоским мечом, то скорей всего мое плечо бы не выдержало, и я бы выронил меч. Но моим учителем был эльф, который три месяца бил меня мечом по всем возможным местам, и первое, чему он меня научил, как использовать силу противника против него самого. Вся сила удара молодого и сильного парня ушла в землю, и он не смог удержаться на ногах и кувыркнулся через голову. Я подошел к Хилту, который снимал флажки для следующего спарринга и сказал:

– Парень-то ничего так, потенциал хороший, присмотришь к нему.

– Ага, я заметил, такой крепкий боец, поставлю его еще раз против Хамлета, если хотя бы два очка возьмет, переведу его в первую группу.

Следующие встречи с грушами были скучными, в основном, неудачники и алкоголики, которые решили попытать счастья. Я бил их нещадно и без сожалений, отрабатывая приемы и совершенствуя свое мастерство. Все-таки, в работе с «грушами» был свой смысл. Так как крестьяне действительно старались, хитрили и что-то придумывали. В большинстве случаев они уходили с нулями, но иногда и завоевывали очки, и тогда Хилт записывал их, видимо, плани-

руя отобрать. Мой соперник, кстати, отличился, и смог выбить оружие из рук Хамлета. Хотя тут конечно была не его заслуга, а ошибка последнего, который все-таки выставил меч против физической силы под неправильным углом, и тут же поплатился за это. Потирая ушибленную руку, он с недовольством произнес:

– Ну, парень здоровый, ух и мощный!

Но второго очка парню взять не удалось, и теперь его судьба была в руках Хилта. Хилт, старый опытный сотник, мог и взять его просто по своему усмотрению, и видимо он и планировал это сделать. Последним моим соперником был здоровый увалень, который видимо пропил всю свою силу, глаза у него были мутные, но природное здоровье буквально зашкаливало. Он, видимо, пришел вместе со своими собутыльниками, так как выход его на арену сопровождался воем и улюлюканьем с одного угла, где и сидели его болельщики. Противник отказался от деревянного меча и щита и попросил деревянную дубину внушительных размеров. Хилт подозвал меня и спросил:

– Он вот дубину хочет взять, ты как справишься? Или не разрешать?

– Да пусть будет дубина.

– Смотри с ним осторожней, это известный хулиган Хан, из местных, мастерства то у него мало, но хитрости и подлости не занимать, следи внимательно.

– Спасибо, Хилт.

Вот оно что, ну, значит, постараюсь его наказать. Хан взял дубину, и неповоротливо пошел на арену, я внимательно следил за ним, он реально играл дурака, как делал я на арене у эльфов, поэтому я решил быть предельно осторожным и выбить этого противника с первого раза. Мы встали друг против друга, Хан взял дубинку в обе руки, все также стараясь изо всех сил валять дурака. Я внимательно следил за ходом дубины, подозревая, что он владеет ей на много лучше, чем, сейчас пытается показать, и поэтому я тоже решил схитрить, сделав два шага навстречу Хану, поднимая мечи, как будто повелся на его уловку. И я не ошибся, Хан ловко перехватил дубину другой рукой, и, как пулей, выстрелил ею в мою голову, я парировал удар правой рукой, и, развернувшись спиной, со всей силой ударил мечом в левой руке по затылку. Я старался не бить острием, но деревяшка скользнула в моей руке, и удар пришелся прямо в основание черепа и очень хлесткий. Хан упал лицом в песок, и тело начала бить мелкая судорога, которая прошла через пару секунд. Хилт подошел к поверженному сопернику и пощупал шею:

– Готов!

– Что значит «готов»?!

– Мертв! Молодец, Алексей, избавил город от неприятного персонажа, а я уж думал, как бы тебя об этом попросить незаметно.

Готов? Я его убил? В душе что-то щелкнуло, неприятное чувство залило область солнечного сплетения. Чувство страха, смешанное с омерзением и еще каким-то чувством. Я не мог разобраться, что я чувствую, убив человека. Так-то я был готов, что рано или поздно в этом мире на таких вот схватках это мне предстоит еще испытать. Но что вот так, в тренировке на «Грушах» я так запросто убью человека, да еще и получу за это благодарность от сотника, это было новое и неприятное чувство для меня. Я растеряно смотрел на мертвое тело, которое перестало подавать признаки жизни, превратившись в обычный кусок гниющего мяса, и не понимал, как же такое могло произойти? Я утешал и оправдывал себя, что этот Хан не был таким простым, и его удар дубиной, нацеленный мне в лицо, в общем-то, в лучшем случае оставил бы меня инвалидом, а в худшем – точно также бы отправил меня на песок арены с минимальными шансами на выживание. Но, несмотря на это, я чувствовал себя как-то не очень.

Глава 4. Хан

Дни проходили однообразно: утром – завтрак, тренировка, обед, тренировка, ужин, свободное время. Я оттачивал навыки, а в свободное время гулял по городу и смотрел, что тут и как. За три дня до турнира город начал преображаться, появились украшения и улицы стали чище. Город ждал праздника, и тот шел в него. Лица мужчин светились предвкушением и ожиданием. Также я узнал, что в город приехала команда из мелкого поселения Ятаргу, это было хорошо и означало, что мы не будем сражаться между собой, а будем биться с ними, по крайней мере, в первых схватках. Эта новость существенно снизила напряжение в казарме в последние дни. Все-таки, мы успели хорошо сдружиться, и сражаться друг с другом по жребию на боевых мечях было бы делом неприятным.

Я еще раз встречался с Мазуром, который прибыл к нам еще на одну тренировку и опять встал в паре со мной. Когда я увидел Мазура, я испугался, что все мое лечение пошло насмарку, выглядел он ужасно: хромал на обе ноги и был каким-то пепельно-серым. Когда мы встретились на арене, я понял, что «играть дурака» – это не мое изобретение. Взглянув в глаза Мазуру, я понял, что он полон сил и энергии, но тщательно это скрывает. Лицо его было аккуратно вымазано чем-то серым, так что с трех шагов действительно казалось, что он при смерти. Когда мы встали друг напротив друга, Мазур полушёпотом сказал:

– Алексей, мы не будем с тобой пока афишировать мое выздоровление, потому выбей сейчас меч из моей руки, и я удалюсь с арены. Так нужно, вечером приходи ко мне, поговорим.

Я сделал то, о чем просил меня Мазур, и наблюдал великолепную актерскую игру, как Мазур после того, как я выбил меч у него из руки, поднял руки в знак поражения, взял меч и, навалившись всем телом на Сафия, ушел прочь с арены. Я видел счастливое лицо Липина, который видимо только и ждал турнира, чтобы получить право бросить вызов Мазуру, и именно поэтому тот не показывал, что он выздоровел. Все-таки схватка, с Липином – это ведь не простая задача, поэтому Мазур «валял дурака», чтобы внушить противнику иллюзию легкой победы. В общем-то, данная военная хитрость была повсюду, никто не хотел открывать своих козырей перед противником до настоящего боя, каждый старался найти тот самый финт, который он применит в последний момент и который позволит выстоять или хотя бы выжить на арене, когда там в ход пойдет настоящее боевое оружие, а не деревяшки. В общем-то, я тоже не открывал своего боевого потенциала даже перед своей командой и ни разу еще не дрался ни с кем в спарринге в полную силу, ну, разве что, сделал исключение против Хана, после сражения с которым я сразу увидел в глазах Хилта, нашего сотника, хитрый прищур и оценивающий взгляд.

«Ох, не так прост этот немец, как рисуется», – прямо говорил его взгляд. Но Хилт не собирался в этот раз на турнир, так как он и так должен был получить серебряный ярлык в случае выигрыша нашей команды или бронзовый в случае нашего поражения. Но, судя по всему, он был уверен в нашей победе и потому уже видимо праздновал ее, хотя и не терял бдительности.

Я шел к Мазуру, решив воспользоваться его приглашением и поужинать с хорошим вином у него в доме, когда на меня вдруг напали. Я не сразу сообразил, что меня преследуют еще от арены, и пошел через дворы, а когда заметил, ретироваться было уже поздно. Когда я вошел в очередной двор, то понял, что меня окружили, и впереди, из тени, выступил боевой малый с приличной дубиной в руке, еще двое были по бокам, и я буквально задней частью черепа чувствовал, что позади меня стоит еще как минимум один человек. Я узнал этих ребят, это были те, кто поддерживал Хана, когда тот выступил против меня на арене. Я даже понимал их мотивацию, мой доспех и оружие были очень лакомой добычей. Я понял, что шансов на

победу у меня немного, но они все-таки есть, и мой шанс только в одном: если бить, то бить первым.

Выхватив мечи из ножен, я решил распределить противников по их удаленности. Я сделал прыжок вправо, и лицом к лицу оказался с первым соперником, полосонул двумя мечами на крест, целясь в грудь и шею, и почувствовал, что мечи достигли своего места назначения. Далее развернулся в сторону противника, который должен был идти сзади меня, и, увидев его, запустил меч острием вперед и кувыркнулся через голову, встав на ноги прямо перед ним. Меч эльфийской заточки вошел противнику прямо в сердце, и я, вцепившись в рукоять меча, только дождался, пока он сам с него слезет. Два других противника, сообразив, что шансов одолеть меня у них остаётся все меньше, рванули бегом навстречу ко мне, замахнувшись дубинами над головой. Я отошел вправо и поднял мечи так, чтобы острие попало прямо под кисть с дубиной одному из противников. «Хрр...» – произнес тот, не осознав до конца, что дубина упала на землю вместе с его рукой. Последний секунду смотрел на меня, видимо, прикидывая свои шансы на выживание, и принял разумное решение удалиться с поля боя бегом. А соперник с отсеченной кистью, до которого наконец-то дошло, что у него больше нет руки, повалился без сознания. Меня накрыла волна адреналина, ну или точнее, накрыла-то она меня в самом начале боя, придав моему телу ускорение, а мозгу способность думать намного быстрее обычного, но теперь, когда опасность миновала, я почувствовал, как у меня глухо бухает сердце, и испарина холодным потом пробилла все мое тело от пяток до головы. Я нажил себе врагов, не прожив и месяца в этом гостеприимном городе. Я посмотрел на поверженные мной тела, и мое солнечное сплетение опять пробилло то самое чувство, смесь страха и брезгливого отвращения. Я открыл свое кладбище, как минимум один из трех нападающих был мертв, а судьбой двух других я совсем не был настроен интересоваться, потому вытер мечи о штаны ближайшего противника и продолжил свой путь к дому Мазура. Перейдя через двор, на дорогу, ведущую к дому Мазура, я заметил движение еще нескольких фигур, которые, видимо, рванули к месту схватки. Но мне уже видимо ничего не угрожало, видимо схватка получилась слишком скоротечной и резервы банды не успели подтянуться, а может, меня просто недооценили, и считали, что вчетвером со мной справиться легко и просто. Но не тут-то было. Ладно, про это я буду думать позже. Я зашел в дом Мазура и встретил Сафия, который вежливо со мной поздоровался:

– Приветствую тебя, мастер Алексей, очень рад, что ты пришел в наш дом в этот радостный для него момент.

Сафий весь светился от счастья, видимо, новость о том, что Мазур выздоровел, была для него одной из самых счастливых. И наверняка Мазур рассказал ему, кто помог ему в этом вопросе.

– Я ни в коем случае хотел просить тебя научить меня премудростям врачевания, которыми владеют на твоей родине. Ты смог исцелить моего хозяина, когда у меня уже опустились руки, а я ведь тоже учился этому искусству.

– Ну чему я смогу научить тебя, Сафий? Я молод и глуп, мне просто повезло, видимо.

– Нет, Мастер Алексей, меня тебе не обмануть, я знаю точно, что рана Мазура уже заражала кровь его, и он не прожил бы и суток, если бы ты не пришел и не сотворил чудо. Скажи, какие травы ты знаешь, а я научу тебя своим премудростям.

Вот не было печали, да Сафий подкачал, видимо, избавиться от этого старика просто так не выйдет и придется чему-то его научить. Вопрос только, чему, если я особенно сам ничего не знаю. Из неловкой паузы меня выдернул зычный голос Мазура:

– О! Наконец-то ты пришел, ну здорово-здорово, отойди, старый хрен, не мешай.

Мазур бесцеремонно отодвинул Сафия в сторону и, распахнув руки, обнял меня, как брата или родственника. Мне было неловко от этого, но деваться было особенно некуда. Вдруг Мазур отодвинул меня от себя и внимательно потянул носом:

– Кровь, я чувствую запах свежей крови! Ну-ка, расскажи, что случилось?

Я вкратце рассказал, что на меня напало несколько человек, и что, по-моему, этих самых людей я видел на трибуне арены, когда сражался с Ханом.

– Так это ты завалил Хана?

– Ну да, мне просто он показался опаснее, чем он рисовался, пришлось бить на поражение.

– Опаснее? Да он так владеет дубиной, что с рыцарем справиться может. Эко ты его деревянными-то мечами. Нужно будет пообщаться с Хилтом, узнать, как ты его одолел-то. Я бы сам против Хана то с деревяшками-то не пошел. А он, видать, тщеславие свое потешить хотел, над новичком-то поиздеваться. Ну, молодец ты, Алексей, большую услугу городу оказал. Пойдем со мной, у меня сегодня самый лучший сыр и самое лучшее вино для тебя. Пойдем, мой друг, пойдем.

Я заметил, что Сафий смотрит на меня внимательно и пристально, ловя практически каждое мое движение. Я поморщился, так как чувствовал, что так просто от Сафия мне не отделаться. Его взгляд чем-то напомнил мне взгляд Анаконды, взгляд старого боевого волка, который видел эту жизнь, и обмануть которого было невозможно. Мы прошли в зал, который был освещен четырьмя канделябрами со свечами, что считалось огромной роскошью, так как каждая такая свеча стоила по местным меркам очень дорого. Но, видимо, ради меня было решено не жалеть свечей. Да и Мазур, как я понял, был далеко не бедным, а может быть и самым богатым жителем этого города.

– Садись Алексей, садись. Вот сыр, вот лучшее вино, кушай. Так что ты говоришь, четверо их было?

– Наверное, побольше, я еще видел нескольких, но они, видимо, опоздали. Ну и один убежал. Трое лежали в дворе, один живой, но кисть отрезана.

– Кисть, говоришь? Сафий, возьми начальника стражи, давай-ка проверим наших знакомых, ну, в общем, ты знаешь, что делать, – Сафий уже действительно понял, что необходимо, и, попросившись, взглянул на меня в последний раз и удалился. Меня накрыло волной облегчения, все-таки с Мазуром было проще, он был умен, но Сафий был мудр.

– Большое дело для города ты сделал. Это все молодой Липин, он давно метит на мое место, но вызов бросить не решался, вот и создал банду, дабы добиться переизбрания. После последнего турнира, когда меня ранили, он передумал и банду пытался распустить, но Хан почувствовал власть и распускаться не захотел. Так-то я бы предал Липина и Хана суду, но доказательств об их делишках у меня было недостаточно. Следов они после себя не оставляли. Но с кистью живого это ты мне опять здорово помог, если его получится взять, дальше по цепочке всех передадим. Ну а Липина я постараюсь на турнире уговорить больше не хулиганить. Для этого сегодня мы с тобой маскарад-то и устроили, так-то я из дома не выхожу, но слухи, что я выздоравливаю, полезли, пришлось вот поиграть. Благо Сафий знает все, вот и рожу мне серым намалевал так, что я смыть до сих пор не могу.

Мазур внимательно посмотрел на меня и неожиданно спросил:

– Ты ведь, Алексей, мой человек?

– Не понял тебя, Мазур, что значит «твой»?

– Ну, ты не предашь меня? Не переметнешься к Липину?

– Ну, а стал бы я тебя лечить-то?

– Тоже верно, вытащил ты меня с того света, непонятно как. Сафий очень рад, он меня с детства пестует. Но что-то он к тебе с подозрением относится, придется нам еще с тобой и с ним поговорить по душам, откуда ты и как к нам пожаловал.

Мое горло перехватило ужасом, как тут разговаривать на троих, и, как и что можно рассказывать этим двоим, чтобы меня тут не закололи прямо сразу, я был без малейшего понятия. Увидев мой испуганный взгляд Мазур смягчился.

– Алексей, ты не переживай, я теперь за тебя кому хошь кадык вырву, понимаю, тайна какая-то на тебе, но я твой должник, и Сафий тоже, у нас тут тоже своих тайн огород целый растет. Ты меня братом можешь считать!

От сердца чуть отлегло, но спокойствие все равно не вернулось. Как раз в этот момент вернулся Сафий и сказал:

– Мазур, поймали троих, один без кисти сейчас в церковном подвале тут, дознания творить будем. Пойдемте, опознаешь его для протокола, и потом вернемся.

Делать было нечего, ну не бежать же сейчас в другое измерение, так и не проведя тут до конца разведку по заданию Элронда. Я решил идти по той тропинке, по которой меня тащило проведение. Авось выживу, и чему-то еще научусь. Когда-то, в пятом или шестом классе, не помню точно, в школе мы проходили тему о «Святой инквизиции», и сейчас, спускаясь в подвал церкви рядом с домом Мазура, я понял, что если где инквизиция и есть, так вот сейчас рядом со мной. Все, что мы в детстве с ужасом и интересом рассматривали на картинках учебников, сейчас предстало перед моими глазами во всей красе. В темном зале с низким потолком, на крюках, вбитых в потолок, висело двое, а один, с отрубленной рукой, был растянут рядом на дыбе. То, что приспособление из двух деревьев на железном каркасе именно дыба, у меня сомнений не вызвало, как и назначение очень многих инструментов, которые были аккуратно разложены тут на верстаке. За верстаком стоял улыбчивый толстяк. Улыбка просто не сходила с лица его, было видно, что он любил и ценил свою работу, а увидев нас, улыбнулся еще шире:

– О, уважаемый Мазур, рад Вас видеть в добром здравии, удивлен этому и рад несказанно.

– Спокойно, Милл, то, что я тут, это государственная тайна, ты обязан молчать, иначе сам окажешься вот здесь, – Мазур показал на дыбу, и на милого Милла эти слова произвели впечатление.

– Да я сам вырву себе язык, мессир, если кому проболтаюсь. Но все равно очень рад вас видеть в добром здравии.

– Ну, хватит тебе уже болтать, рассказывай давай, что успел сделать? – в диалог вступил Сафий и Милл тотчас затараторил:

– Господа, да я, в общем-то, еще ничего и сделать не успел толком, вот только угли распалил, да руку вот этому несчастному прижег, чтобы он раньше времени от кровотечения-то не помер. Этих вот подвесили только, но им стражники видать хорошо надавали, когда они в себя придут, не ведаю, но если что, за колодезной водичкой я уже послал, ну и я Святого Отца жду, без благословения нельзя же начинать работку-то.

Я успел заметить как от словосочетания «Святой отец» передернуло и Мазура, и Сафия, но вслух Сафий сказал:

– Ну, так-то, конечно, без благословения нельзя, – тут он повернулся ко мне и спросил. – Алексей, это он?

Я взглянул на лицо распятого на дыбе человека, наверное бы не узнал его, но разрез на руке почему-то запомнил точно, эта была та самая рука, кисть которой я отделил мечом.

– Да, он самый, а этих двоих я не видел.

Милл затараторил опять:

– Да их взяли-то, они этого болезного тащили в квартале отсюда, может и не при чем они вовсе, может и не при чем, сейчас вот придут в себя, и выясним. Так-то я быстро с ними разговорюсь, у этого, – он показал пальцем на дыбу. – Шок болевой, с ним так просто поговорить-то не выйдет, кисточку-то ему рубанули и сейчас кисточка-то сама по себе болит так, что мои инструментики-то до него и не доберутся быстро. Но к утру и он тоже говорить будет.

Меня передернуло до самого основания, этот Милл был реально страшным садистом, это было видно, он получал от своей работы удовольствие, а когда он говорил слова «мои инструментики», он прямо закатывал свои поросычьи глазки, и в его высоком, почти писклявом

голосе слышалось почти блаженство. Милл был явно кастратом, и меня поразило сочетание несочетаемого, он был весь такой толстенький и миленький, но при этом палач и садист. Мне хотелось уйти из этого помещения, и уйти быстро, и я уже хотел попросить об этом Мазура, но в этот момент вошел Святой отец. Видимо, во всех измерениях, образ священнослужителей каким-то невероятным образом передавался сам собой. То, что вошедший был именно священником, я понял сразу. Хотя, в отличие от Милла, он не был толстым, а, наоборот, была видна практически армейская выправка и бугры из мышц явно были под рясой. Но то, что одежда у него была именно рясой, можно было предсказать без труда. Может быть, конечно, если бы я встретил его на улице, я бы еще на секунду и задумался, но тут, в келье инквизиции, одежда вошедшего не оставила у меня ни капли сомнения.

– Что тут происходит, милейшие господа? – спросил вошедший, внимательно оглядев всех присутствующих. Он остановился взглядом на мне, с легким удивлением посмотрел на Мазура и остановил свой взгляд на Сафие.

– Раскрываем преступление перед городом, достопочтимый отец Фатий, с Божьей помощью удалось поймать участников банды, которые мучали горожан в последнее время. Теперь вот передаем их в руки церкви и желаем содействовать в поимке остальных участников.

Я обратил внимание, что как только вошел священник, Мазур как будто сник, он тяжело сел на лавочку и стал тяжело дышать. Мысли в мою голову забрались сразу же не очень хорошие, и тому способствовала логика. Мазур явно не хотел, чтобы священник знал, что тот себя хорошо чувствует.

– Ну, спасибо вам, господа, вы действительно молодцы, раз так помогли городу, – тут священник уставился на меня пристальным взглядом и спросил:

– А ты кто, чужеземец?

Я не успел ответить, только открыл было рот, как за меня ответил Сафий:

– Это Алексей, он из Стерлии, прибыл к нам на турнир.

– А почему я его не видел на исповеди?

Тут в келье на секунду повисла гробовая тишина, видимо, я нарушил какое-то незыблемое правило пилигримов, и это было открытием и для меня, но что самое страшное, и для Сафия, и для Мазура. Но Сафий внимательно взглянув на меня, через секунду уже выдал в мое оправдание легенду, которую явно сочинил только что:

– Святой Отец, это я за ним послал тайно, нужна была приманка для Хана, дорогое оружие и чужестранец. Поскольку чужестранцы достаточно давно не приходили к нам в город, мы и готовили эту операцию по поимке Хана и его шайки, теперь же, когда он уничтожен, а его сподвижники тут, Алексей обязательно придет на исповедь, ведь правда, Алексей?

– Завтра же, рано утром, – не задумываясь, рявкнул я.

Легенда, может, и не устроила Святого Отца полностью, но на текущий момент вопрос был исчерпан, а игру нужно было доигрывать, и Сафий произнес:

– Алексей, помогите мне проводить Мазура в его покои, и можете отправляться в казарму. Я надеюсь, завтра вы выполните свой духовный долг и исповедуетесь?

Ответа Сафий не требовал, я подошел к Мазуру и он, изо всех сил изображая измождение, облокотился на наши с Сафием плечи и пошел с нами, с трудом переставляя ноги. Конечно, оставался Милл, который, видимо, мог успеть заметить, что все это игра, но он был человеком своего дела. Так, в данный момент все его внимание было обращено к его «любимым инструментикам». Перед самым выходом Сафий обратился к Милу:

– Я надеюсь, что утром у главы города будет полный отчет по допросу?

– Не извольте сомневаться.

Теперь наступила очередь дернуться Святому Отцу. Ему явно не нравилось то, что у него тут нет стопроцентной власти, да и у меня уже голова кругом шла от догадок и интриг. Мы вышли на воздух, и Мазур пошел сам, отстранившись от меня и Сафия.

– Тихо, Маз, тихо, не светись, иначе наш план не сработает, все-таки, Липин силен, ох, не подумал я про Святого Отца, что Милл вызовет его на благословение, ох, не подумал. А с тобой теперь будет отдельный разговор, – Сафий посмотрел на меня, что-то изменилось во взглядах обоих.

Мы вернулись в дом Мазура и вошли в кабинет, из которого вышли, сели за стол, где так и стояли тарелки с сырами и хлебом, а вино было налито в глиняные кружки, и они оба уставились на меня долгим, изучающим взглядом.

– Кто же ты такой? И зачем ты тут? – спросил Сафий.

– Я не знаю, что и как вам отвечать.

– Да, то, что ты непрост, я понял сразу, – сказал Мазур. – Твои мечи уже вызвали во мне множество вопросов, я выбрал тебя противником потому, что хотел посмотреть, что ты можешь. Сотник рассказывал про диковинную двуручную технику, которой он раньше не встречал, но жар и болезнь не давали мне здраво мыслить, а ты пришел и вылечил меня, исколов всю руку мне непонятными иглами. Но все равно, раз вылечил меня, значит не враг. Что скажешь Сафий?

– Я тоже думаю, что не прост он, Мазур, очень непрост, и пришел сюда к нам не просто так, возможно и на руку занять такого союзника, как ты, но к добру ли твое явление или нет, вот в чем вопрос.

– Скажите мне, – не выдержал я. – Что же все-таки такого я неправильно сделал?

Мазур и Сафий переглянулись, видимо, я совершил еще одну ошибку, но они считали меня своим другом или союзником, и мне ничего не угрожало.

– Понимаешь, во всех известных ныне странах, которые участвуют во всех существующих турнирах, есть одно незыблемое правило, которое вбивают младенцам, как только отлучают от матери, в какое бы место ты не пришел, с какой бы миссией не пожаловал, ты просто обязан прийти в центральную церковь и исповедоваться. В нашем городе чужеземцев исповедует как раз отец Фатий, а память у него на исповедников стопроцентная. Так-то эта традиция исполняется неукоснительно, и то, что ты не явился на исповедь, как раз должно тебя привести к Миллу, а от него в городскую могилу, дабы ты враг, принесший замысел черный в град наш.

Сафий замолчал и еще раз внимательно осмотрел меня. Я не знал, что же мне нужно им рассказать, что я вообще из другого мира? Но Сафий продолжил сам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.